

184

4.

Л. Шалландъ

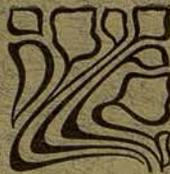
профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Свобода слова

ВЪ

Англійскомъ Парламентъ.

Юрьевъ.

Типографія Маттисена.

1910.

200
1980

1001 г.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПЛОТУ

63500

488 Фундаментальная
II. 1
II 184

*Глубоководная Академия
Словесной Фрейнической
Ираброса.*

Л. Шалландъ

профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

пр. 43

№ 4.

Свобода слова

ВЪ

Англійскомъ Парламентѣ.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Свобода слова

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“.

СЛОВО

Глава первая.

Начало англійскаго парламента.

I.

Привилегія свободы слова имѣеть въ Англіи, также какъ и на континентѣ, весьма длинную и сложную исторію. По мѣрѣ того какъ измѣнялся характеръ политическаго строя, и парламентъ изъ представителя сословій превращался въ общегосударственный органъ, видоизмѣнялось и положеніе его членовъ, въ смыслѣ упроченія ихъ самостоятельности и обезпеченія ихъ независимости отъ всевозможныхъ давленій извнѣ. Поэтому то, что въ настоящее время носить названіе *freedom of debates*, какъ по существу, такъ и по формѣ весьма далеко отъ той относительной свободы рѣчи, которою пользовались парламенты при Плантагенетахъ и Ланкастерской или Йоркской династіяхъ. Дѣйствующее нынѣ право есть продуктъ продолжительной и упорной борьбы — борьбы, въ которой съ необычайной ясностью отразились всѣ перипетіи того спора, который на протяженіи пяти вѣковъ велся между короной и народнымъ представительствомъ.

Въ литературѣ, однако, и понынѣ господствуетъ противоположная точка зрѣнія. Начиная съ *Elsynge*, писавшаго во второй половинѣ XVII ст.¹⁾, твердо держится

1) Книга его „*The manner of holdings Parliaments in England*“ появилась въ 1660 г. *Elsynge* утверждаетъ, что уже при Эдуардѣ III общины часто обсуждали такіа дѣла, которыя касались королевской прерогативы и приходили къ соглашенію относительно петицій, имѣвшихъ цѣлью изданіе законовъ, прямо противоположныхъ этой прерогативѣ, какъ явствуеть изъ нѣкоторыхъ петицій; однако, ихъ совѣщанія

мнѣніе, будто англійскій парламентъ съ самаго начала пользовался полной свободой сужденій, причемъ члены его за сдѣланныя заявленія или предложенія не подлежали преслѣдованію, — ни со стороны короля, ни со стороны судовъ. Съ этой точки зрѣнія иммунитетъ не пережилъ никакой эволюціи: онъ съ первыхъ годовъ существованія парламента явился въ вполне законченномъ видѣ, и содержаніе его не подверглось никакимъ измѣненіямъ¹⁾.

Подобный взглядъ, однако, не находитъ себѣ оправданія ни въ соображеніяхъ общаго характера, ни въ дошедшемъ до насъ историческомъ матеріалѣ. Прежде всего, ни одинъ сословный сеймъ не зналъ полной безответственности — въ современномъ значеніи слова — своихъ членовъ за произнесенныя рѣчи и высказанныя мнѣнія²⁾. Трудно думать, чтобы англійскій парламентъ въ первую пору своей дѣятельности составлялъ, въ данномъ отношеніи, исключеніе.

никогда не прерывались, и препятствій имъ не чинилось, какъ это видно изъ отвѣтовъ на эти петиціи. Нечего говорить о томъ, что доказательная сила этого *passus*'а очень невелика. Эдуардъ могъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не вмѣшиваться въ совѣщанія коммонеровъ; изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе обладали правомъ на такое невмѣшательство. Мнѣніе *Elsynge*, однако, приводитъ рѣшительно всѣми писателями въ качествѣ неопровержимаго доказательства существованія привилегіи свободы слова съ самыхъ первыхъ дней существованія парламента.

1) См., напр., *Seidler*, Die Immunität der Mitglieder der Vertretungskörper nach österreichischem Rechte, Lpz. 1891, S. 3: „Es giebt (in England) eine geschichtliche Entwicklung der Immunität parlamentarischer Berufsausübung im Sinne einer fortschreitenden Ausbildung des Rechtsinstitutes nicht, es kann höchstens von einer Geschichte der Rechtsübung und der Codification des seit jeher geltenden Rechtes, gesprochen werden“. Ср. *Reynaert*, Histoire de la discipline parlementaire, Par. 1884, t. I, p. 7; *Redlich*, Recht und Technik des Englischen Parlamentarismus, Lpz. 1905, S. 591; *Weigel*, Die Lehre von der parlamentarischen Disciplin in rechtsvergleichender Darstellung, Lpz. 1909, S. 4 ff. У англійскихъ писателей приведенная точка зрѣнія составляетъ *communis opinio*, см. напр. *Th. Erskine May*, Traité des lois, privilèges, procédures et usages du Parlement, trad. par *Delpesch*, Par. 1909, t. I, p. 101. Едва ли не единственный писатель, стоящій на иной точкѣ зрѣнія — *Hubrich*, Die parlamentarische Redefreiheit und Disciplin, Berl. 1899, S. 15—37. Однако, онъ ограничивается бѣглыми замѣчаніями, недостаточно обосновывая свои взгляды наличнымъ историческимъ матеріаломъ.

2) На этомъ вопросѣ мы подробно остановимся въ иной связи.

Для такого предположенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. На самомъ дѣлѣ, откуда было появиться самой привилегіи? Парламентъ, какъ извѣстно, выросъ изъ королевскаго совѣта. Между тѣмъ послѣдній, представляя изъ себя чисто-совѣщательное учрежденіе, рѣшеній, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не выносилъ. Совѣтъ не разсматривался какъ корпорація, и принципъ большинства въ немъ не примѣнялся: каждый членъ совѣта могъ отказаться отъ исполненія сдѣланныхъ постановленій, причемъ послѣднія, юридически, мыслились какъ единоличная воля короля¹⁾.

У монарха была весьма обширная дисциплинарная власть²⁾ надъ баронами, засѣдавшими въ совѣтѣ, и негодныя ему рѣчи вызывали, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе рѣзкій отпоръ съ его стороны³⁾. При такихъ условіяхъ

1) См. Plehn, Der politische Character von Matheus Parisiensis, Lpz. 1897, S. 3: „Ihre (der Baronen) Zustimmung zu dem Willen der Krone war nicht Korporativ, sondern nur Kollektiv, und geschah wohl in der primitiven Form der Akklamation, wenn auch die vornehmsten Mitglieder persönlich um ihre Meinung befragt wurden“.

2) Вотъ какъ Fortescue, On the governance of England (вышло въ свѣтъ, вѣроятно, въ первые годы царствованія Эдуарда IV), описываетъ господствовавшіе въ совѣтѣ порядки (цит. по нѣмецкому пер. Parow'a, Ueber die Regierung Englands, Lpz. 1897, S. 43): „Der Rat des Königs pflegte aus Prinzen und den grössten Lords des Landes, geistlichen und weltlichen, und andern Männern in hohen Aemtern und Stellungen zusammengesetzt zu sein... Und welcher Mann von niederem Range, der im Rate sass, wagte es da wohl der Meinung eines der grossen Herrn entgegenzutreten? Wie leicht konnte jemand durch Bestechung der Diener und Ratgeber jene Herren zur Parteinahme veranlassen, in dem Sinne, wie es die Diener oder diejenigen, die diese Diener bestachen, wünschen mochten. Ferner war es unmöglich, die Verhandlungen im Rate geheim zu halten. Denn die Herren sagten oft ihren Vertrauten und Dienern, von denen sie angegangen worden waren, wie es mit ihren Angelegenheiten stände, und wer gegen sie wäre“. Ср. James F. Baldwin, Antiquities of the King's council, въ English historical review, XXI (1906), p. 1 fol. Интересна формула присяги, приносившаяся членами совѣта королю: „item quod nemini revelabunt consilium domini regis cui non et unde credant damnium posse venire“ (редакція 1257 г.) и „e que bien e loiaument son conseil celez“ (ред. 1307 г.).

3) Слѣдующій документъ, относящійся къ 1323 году, даетъ наглядное представленіе о томъ, какъ англійскіе монархи смотрѣли на оппозиціонныя рѣчи своихъ совѣтниковъ. Король созвалъ совѣтъ для обсужденія вопроса о перемиріи съ Робертомъ Брюсомъ; въ числѣ присутствовавшихъ былъ нѣкто Henricus de Bello Monte, который „quodam

о „безответственности“, въ современномъ значеніи слова, и рѣчи быть не могло. Безответственность, въ качествѣ правового института, предполагаетъ наличность самостоятельной корпораціи, облеченной извѣстными правами власти, члены же *Commune* и *Magnum Concilium* были лишь совѣтниками короны и, юридически, всецѣло отъ нея зависѣли.

Положеніе парламента, на первыхъ порахъ, мало чѣмъ отличалось отъ положенія королевскаго совѣта: представители городовъ и графствъ, также какъ и лорды, разсматривались какъ совѣтники короны. Монархъ и парламентъ составляли одно цѣлое¹⁾; король предполагался присутствующимъ на всѣхъ засѣданіяхъ²⁾; онъ открывалъ и закрывалъ собраніе. Но такъ было лишь въ самомъ началѣ. Вскорѣ старыя правовыя рамки оказались слишкомъ тѣсными, и молодое представительное учрежденіе, порвавъ съ прежнимъ совѣтомъ, зажило самостоятельной жизнью. Уже въ 1332 году лорды и рыцари совѣщаются отдѣльно, а со второй половины XIV в. раздѣленіе парламента на двѣ палаты является совершившимся фактомъ³⁾.

motu excessivo, et animo quasi irreverenti, dicto Domino Regi respondit saepius quod sibi consulere noluit in hac parte. Тогда король „*praecipit dicto Henrico quod Consilium suum exiret.*“ Однако Генрихъ „*exeundo Consilium, dixit modo quo prius, et quod plus sibi placeret a dicto Consilio absentari, quam eidem interesse.*“ Подобное поведеніе не прошло Генриху даромъ: „*super quibus idem Dominus Rex praefatis Magnatibus et aliis de Consilio suo, ibidem existentibus, praecipit quod consulenter de Iudicio faciundo de dicto Henrico in hac parte; desicut idem Henricus, Homo suus ligeus et Baro, ac de Consilio suo secreto juratus fuit, et requisitus de consulendo dicto Domino Regi, super tanto et tam arduo negotio, ipsum Dominum Regem et Regnum suum ita specialiter tangente, eidem sic respondet, quod eidem Domino Regi consulere noluit, et alia opprobria dixit, sicut praedictum est, et quod Iudicium illud facerent. Et habito inde per dictos Magnates et alios, de Concilio Domini Regis, ibidem existentes, tractatu et deliberatione diligenti, praefato Henrico coram dicto Domino Rege, Magnatibus et aliis supradictis ibidem, eodem die, postmodum revocato, consideratum est per alios de Consilio supradicto, quod dictus Henricus committatur prisonae pro contemptu et inobedientia supradictis.*“ R y m e r, *Foedera, ed. Hagae Comitum 1739, t. II, pars II, p. 73.*

1) *Modus tenendi parliamentum*, ed. Hardy, 1846: „*rex est caput, principium et finis parliamenti.*“

2) *Ibid.*: „*rex tenetur omnimodo personaliter interesse parlamento, nisi per corporalem aegritudinem deteneatur.*“

3) См. *St u b b s*, *The constitutional history of England*, 5 ed., Oxf.

II.

Раздѣленіе парламента на верхнюю и нижнюю палаты имѣло весьма крупныя соціальныя и политическія послѣдствія. Палата общинъ сразу получила значеніе силы, противустоящей королевской власти: въ этомъ сказалось столь характерное для всѣхъ средневѣковыхъ политическихъ формаций противуположеніе *rex* и *regnum*.

Отнынѣ мы имѣемъ дѣло съ корпораціей, облеченной самостоятельными правами власти. Вся исторія ея въ теченіи четырехъ послѣдующихъ вѣковъ есть сплошная борьба за свои права, за свою компетенцію, за свою политическую роль. И однимъ изъ наиболѣе важныхъ оружій въ этой борьбѣ оказывается свобода слова ея членовъ, ихъ безответственность за все сказанное и предложенное ими въ качествѣ народныхъ представителей. Но эта свобода появилась далеко не сразу и всего менѣе въ формѣ какого либо субъективнаго права, порожденнаго официальной правовой нормой. Она выработалась постепенно, на почвѣ тѣхъ порядковъ, которые весьма скоро установились въ молодомъ парламентѣ.

На самомъ дѣлѣ, съ первыхъ же годовъ существованія палаты общинъ въ основу ея дѣятельности были положены два начала, въ значительной степени предопредѣлившія собой характеръ ея дѣлопроизводства. Эти начала заключались, во первыхъ, въ томъ, что всѣ засѣданія парламента должны были происходить не публично, причемъ содержаніе дебатовъ составляло государственную тайну¹⁾, и, во вторыхъ,

1903, v. III, p. 444, 445. Cp. Hatschek, *Englisches Staatsrecht*, Tüb. 1905, B. I, S. 238: „So war der alten Ständeversammlung, dem Magnum Concilium, die neue repräsentative „communitas communitatum“, das Haus der Gemeinen, angebaut, und ein neues Staatsorgan entstanden: das Parlament. Aber dieser Zusammenschluss war nur ein äusserlicher und die Geschichte von der Trennung der beiden Häuser in der Regierungszeit Richard II ist nur eine formelle Lösung zweier verschiedener juristischer Bestandtheile, die innerlich nie geeinigt und gleich waren“.

1) Это правило было унаслѣдовано отъ королевскаго совѣта, см. выше. Оно вполне оправдывалось той обстановкой, при которой происходили засѣданія, ср. May, *Die Verfassungsgeschichte Englands seit der Tronbesteigung Georg III*, übers. von Oppenheim, Lpz. 1862, B. I, S. 338: „Die Mitglieder kamen nicht sowohl zum Debattiren, als zum Berathen“.

въ томъ, что король не былъ вправѣ вмѣшиваться въ пренія и вліять на направленіе и рѣшеніе дѣлъ¹⁾: на его утвержденіе должны были представляться лишь вынесенныя резолюціи, матеріаль же, легшій въ ихъ основаніе, представлялъ изъ себя *res interna* палатъ.

Съ другой стороны, тогдашнее дѣлопроизводство было довольно мало похоже на современное. Прежде всего, весьма сомнительно, чтобы дѣла рѣшались по большинству голосовъ²⁾. Далѣе, представители городовъ и графствъ, какъ во всѣхъ сословныхъ сеймахъ, были связаны императивными мандатами; въ парламентѣ, поэтому, они высказывали не собственные мнѣнія и сужденія, а тѣ, которыя они своимъ избирателямъ обѣщали защищать. Наконецъ — и это самое важное — участіе общинъ въ законодательствѣ выражалось въ то время исключительно въ разсмотрѣніи петицій. Какъ извѣстно, въ Англии издавна каждый свободный челоувѣкъ пользовался правомъ обращаться къ „королю въ совѣтъ“ (*King in the council*) съ жалобами, ходатайствами и т. п. Начиная съ XIV ст., эти петиціи направляются въ парламентъ, и разсмотрѣніе ихъ становится важнѣйшей функціей общинъ³⁾; на этой почвѣ и развивается право законодательной инициативы нижней палаты.

На основаніи сказаннаго, нетрудно представить себѣ характеръ тѣхъ отношеній, которыя установились между короной и молодымъ народнымъ представительствомъ. Эти

zusammen; man lud sie zur Erledigung einiger bestimmter Angelegenheiten ein, die kurz abgethan wurden. Da man nur die geladenen erwartete, waren die Versammlungs-Räume einfach zu deren Gebrauch hergerichtet. Die gelegentliche Anwesenheit eines Fremden war daher eine Unbequemlichkeit und verurursachte Störung“. Что же касается присутствія короля, то оно очень скоро обратилось въ легальную фикцію.

1) Формально, это признано было въ 1407 г., т. наз. декларацией „*Indemnity of Lords and Commons*“. Но не подлежитъ сомнѣнію, что принципъ декларации былъ усвоенъ уже гораздо раньше, см. *Parry, The Parliaments and Councils of England*, Lond. 1839, p. 167: „The declaration seems to have placed the King and the two Houses, each in the separate and independent situation in wich they now stand; not as a novelty, but as a solemn declaration of what has been accustomed, whatever proceeding of a contrary tendency might have taken place“.

2) См. *Fischel, Die Verfassung Englands*, Berl. 1862, S. 357.

3) *Redlich, op. cit.*, 23.

отношенія покоились всецѣло на принципѣ соглашенія: всякая вновь устанавливаемая норма, всякое принятое рѣшеніе являлись результатомъ договора между короной и представленными въ парламентѣ корпораціями. При этомъ то, что происходило въ палатахъ, было ихъ частнымъ дѣломъ, о которомъ никто — по крайней мѣрѣ официально — освѣдомленъ не былъ. Наружу всплывали лишь результаты совѣщаній. Если результаты эти были неправомѣрны, если парламентъ выходилъ изъ предѣловъ своей компетенціи, то въ отвѣтъ были, прежде всего, палаты въ ихъ цѣломъ. Отдѣльные же члены пользовались безотвѣтственностью лишь косвеннымъ образомъ — по стольку, по скольку высказанныя мнѣнія и сужденія были покрыты служебной тайной и не подлежали ни критикѣ, ни оцѣнкѣ со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ¹⁾.

Король, однако, отъ контроля надъ дѣятельностью общинъ отказываться и не думалъ. На членовъ парламента онъ продолжалъ смотрѣть какъ на своихъ совѣтниковъ и, само собою разумѣется, требовалъ, чтобы они подчинялись его дисциплинарной власти. Къ тому же, въ системѣ государственныхъ учреждений парламентъ занималъ мѣсто высшаго судебного установленія²⁾. Отсюда вполне понятно, что тайна засѣданій парламента могла гарантировать его отъ вмѣшательства судебныхъ и иныхъ учреждений во внутреннія его дѣла, но не отъ воздѣйствія со стороны короля въ случаѣ принятія незаконныхъ рѣшеній. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ существованія парламента мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ

1) Ср. Гнейстъ, *Исторія государственныхъ учреждений Англии* (*Englische Verfassungsgeschichte*), пер. Венгерова, М. 1885, стр. 431: „Какъ и слѣдовало ожидать, общины съ самаго начала добивались свободы рѣчи въ парламентѣ, — другими словами отстаивали свое право вносить предложенія и высказывать свои взгляды во время преній, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности передъ слугами короля. Такое право само собою вытекало изъ того положенія, которое они занимали въ качествѣ членовъ высшаго совѣта въ своихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ не публично“.

2) Въ XVI ст. Соке еще характеризуетъ парламентъ какъ „великое обвинительное джюри королевства („the general inquisitor of the realm“), см. Hatschek, *op. cit.*, I, S. 233 ff; Carter, *A history of english legal institutions*, 3-d ed., Lond. 1906, p. 100 fol.

воздѣйствій, которыя обыкновенно разсматриваются какъ нарушеніе привилегіи свободы слова, но которыя на самомъ дѣлѣ суть ни что иное, какъ болѣе или менѣе удачное упражненіе короной ея права контроля надъ дѣятельностью народныхъ представителей.

Остановимся нѣсколько внимательнѣе на этихъ знаменитыхъ прецедентахъ.

III.

Первый изъ нихъ касается нѣкоего Henry Keighley и относится къ 1301 г., т. е. къ году созыва Линкольнскаго парламента. Отношенія между королемъ и парламентомъ были довольно натянуты. Бароны относились съ недовѣріемъ къ политикѣ Эдуарда I (1272—1307) и требовали торжественнаго подтвержденія хартіи 1214 г.¹⁾ Поэтому, когда собрался парламентъ, сразу установились враждебныя отношенія между обѣими сторонами²⁾. Бароны стали требовать удаленія отъ должности казначея London'a и черезъ депутата Keighley представили билль изъ 12 статей, въ которомъ королю предлагалось подтвердить хартію и приступить къ дѣлому ряду реформъ. Эдуардъ отвѣтилъ на это приказомъ объ арестѣ Keighley³⁾. Вскорѣ, однако, послѣдній былъ освобожденъ. Какой-либо особой реакціи со стороны парламента, сколько извѣстно, не послѣдовало.

Въ 1376 г., въ царствованіе Эдуарда III (1327—1377), произошелъ аналогичный случай. „Добрый“ парламентъ, собравшійся въ этомъ году, сразу вступилъ въ конфликтъ съ короной или, вѣрнѣе сказать, съ Джономъ Гаунтомъ, четвертымъ сыномъ Эдуарда, фактически управлявшимъ королевствомъ вслѣдствіе болѣзни отца. Черезъ

1) Гринъ, Исторія англійскаго народа, М. 1891, т. I, стр. 290; T. F. Tout, The history of England from the accession of Henry III to the death of Edward III, Lond. 1905, p. 219.

2) Stubbs, op. cit., II, 156.

3) Въ письмѣ къ казначею, коему поручалось посадить К. въ Туэръ, Эдуардъ, между прочимъ, писалъ: „*qu'il est celi qui nous porta la bille de par l'ercevesque de Cantebiris et de par les autres qui nous preserent outraisement au parlement de Nichole et lequel nous avons taunt fait serchier*“. Stubbs, op. cit., II, 158, n. 1.

посредство своего спикера Peter de la Mare общины представили 160 петицій, изобличавшихъ злоупотребленія правительства и вмѣшательство любовницы короля Alice Pegeers въ государственныя дѣла¹⁾. Подъ напоромъ общественнаго негодованія королю пришлось уступить. Pegeers была изгнана, многіе королевскіе приближенные заключены въ тюрьму, а число лордовъ, засѣдавшихъ въ совѣтъ, увеличено было на девять человекъ. Не успѣвъ, однако, парламентъ разойтись, какъ Джонъ Гаунтъ снова очутился у власти. Объявивъ, что „добрый“ парламентъ вовсе не былъ парламентомъ, онъ отмѣнилъ его рѣшенія, запретилъ занести представленныя имъ петиціи въ реестръ и посадилъ de la Mare въ тюрьму, гдѣ послѣдній просидѣлъ до смерти Эдуарда III, т. е. почти два года. Въ 1377 г. собрался новый парламентъ, состоявшій, преимущественно, изъ сторонниковъ Гаунта; все сдѣланное „добрымъ“ парламентомъ было уничтожено и прежніе фавориты восстановлены въ правахъ. Правда, нѣкоторыми депутатами былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи de la Mare, но большинство признало это ходатайство несвоевременнымъ, и узнику пришлось дожидаться воцаренія Ричарда II (1377—1399), который sua sponte немедленно выпустилъ его на свободу²⁾.

Конецъ царствованія этого монарха былъ ознаменованъ новымъ конфликтомъ короны съ парламентомъ. Властолюбивый по природѣ, Ричардъ плохо мирился съ притязаніями народныхъ представителей. Онъ мечталъ о неограниченной власти и послѣ брака своего съ Изабеллой, дочерью Карла VI французскаго (1396 г.), вступилъ въ рѣшительную борьбу съ общинами. Поводомъ послужила одна петиція, поданная палатой въ 1397 г.³⁾. Дѣло въ томъ,

1) Текстъ петицій приведенъ въ Rotuli Parliamentorum, t. II, p. 325 seq.

2) См. Pauli, Geschichte von England, B. IV, Gotha 1855, S. 489 ff.; Гринъ, назв. соч., I, 365 и слѣд.; Stubbs, op. cit., II, 450 fol.; Tout, op. cit., p. 426 fol.

3) Объ этомъ дѣлѣ см. Гринъ, назв. соч., I, 401; Stubbs, op. cit., II, 516 fol., 624; III, 23; Th. Pittaswell-Langmead, English constitutional history, 3-d ed., Lond. 1886, p. 305 fol.; p. 324; Hannis Taylor, The origin and growth of the english constitution, Lond. 1890, p. 510 fol.; C. Oman, The history of England from the accession of Richard II to the death of Richard III, Lond. 1906, p. 132.

что, обезпечивъ себѣ миръ съ Франціей, Ричардъ сталъ вести крайне расточительный образъ жизни; издержки по содержанію его двора достигли громаднхъ размѣровъ, что и побудило парламентъ провести билль о сокращеніи этихъ расходовъ. Король крайне разгнѣвался и усмотрѣлъ въ этомъ предложеніи посягательство на свою прерогативу¹⁾. Билль былъ препровожденъ въ верхнюю палату, которая согласилась съ королемъ. Тогда общинамъ предложено было выдать инициатора предложенія. Палата безъ всякаго колебанія указала на Thomas Нахеу²⁾, униженно прося короля простить ее за дерзость и признавая, что, дѣйствительно, прерогатива была нарушена. Лорды, однако, вынесли резолюцію, утвержденную затѣмъ королемъ, согласно которой всякое лицо, побудившее общины или другое лицо „ad faciendum remedium, sive reformationem alicuius rei quae tangit nostram (i. e. Regis) personam, vel nostrum regimen, aut regalitatem nostram“, должно считаться измѣнникомъ³⁾. На основаніи этой резолюціи, Нахеу былъ приговоренъ къ смертной казни. Его спасло лишь заступничество Кантерберійскаго архіепископа Арунделя и нѣкоторыхъ прелатовъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Генриха IV (1399—1413) Нахеу подалъ петицію, въ которой онъ, жалуясь на то, что былъ осужденъ „encontre droit et la curse quel avoit este devant en Parlement“, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ рѣшенія лордовъ⁴⁾. Общины, разсмотрѣвъ дѣло,

1) Item al quart article, touchant le charge de l'hostiel le Roy, et la demuree d'Evesques et Dames en sa compaignie, Le Roy prist grandement a grief et offense, de que les communes qui sont ses lieges deussent mesprendre ou presumer sur eux ascune ordenance ou governance de la person de Roy, ou de son Hostiel, ou d'ascuns persones d'Estat qu'il plerroit avoir en sa compaignie. Et sembloit a Roy, que les communes firent en ce grant offence et encontre sa Regalie, et sa Roiale Mageste, et la Liberte de lui et de ses honorables progenitours, queles il est tenuz et voet manitenir et sustenir por l'eide de Dieu“. Rot. Parl., III, 339.

2) Кто былъ Нахеу, въ точности не установлено. Неизвѣстно даже, былъ ли онъ членомъ парламента. См. подробную справку о немъ въ примѣчаніяхъ Christian къ Blackstone, Commentaires sur les lois anglaises, trad. par Chompré, Par. 1822, t. I, p. 317, 320, 321.

3) Rot. Parl., III, 408.

4) Ibid., 430.

признали, что упомянутое рѣшеніе состоялось „en anientissement des Custumes de lez Communes“ и представили петицію на усмотрѣніе короля¹⁾. Генрихъ удовлетворилъ ходатайство Нахеу, но въ своей резолюціи мотивировки палаты не повторилъ. „Le Roy voet, читаемъ мы въ „Responsio“, que le jugement soit de tout cassez, reversez, repellez et annulez et tenu de nul force n'effect“.

Таковы прецеденты, относящіеся къ XIV в. Изъ нихъ можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что въ разсматриваемую эпоху англійскіе короли считали себя вполне вправѣ контролировать дѣятельность народнаго представительства и прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ выходилъ изъ рамокъ предоставленной ему компетенціи. Такъ, въ дѣлахъ Keighley и Peter de la Mare требованія общинъ, до известной степени, носили революціонный характеръ; они были предъявлены въ разгаръ политической борьбы и, несомнѣнно, затрагивали королевскую прерогативу. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о дѣлѣ Нахеу: незаконность притязаній палаты признано было впоследствии самими общинами. Поэтому акты освобожденія de la Mare и Нахеу отъ наказанія носили гораздо болѣе характеръ помилованія, чѣмъ возстановленія въ правахъ²⁾.

Такимъ образомъ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ вопросъ о свободѣ слова не возбуждался вовсе. Рѣчь шла о разграниченіи компетенцій парламента и короны. И вся дальнѣйшая борьба народнаго представительства за свою привилегію есть ничто иное, какъ неуклонное стремленіе парламента расширить свою сферу дѣятельности и забрать въ свои руки всю область законодательства. Въ томъ, что

1) Ibid., 434.

2) Генрихъ IV недаромъ не привелъ никакихъ мотивовъ въ своемъ отвѣтѣ на петицію Нахеу. Слѣдуетъ также замѣтить, что вышеупомянутой резолюціи палаты лордовъ придана была образная сила, ср. Taswell-Langmead, op. cit., 306; Taylor, op. cit. 511, п. 1. По существу своему резолюція было ничѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ легальнымъ толкованіемъ акта 1351 г., установившаго процедуру impeachment'a за измѣну (treason). Текстъ этого акта, въ основныхъ чертахъ дѣйствующаго и нынѣ, см. въ The Statutes, second revised ed., Lond. 1888, v. I, p. 109 fol.

король имѣлъ право реагировать на незаконныя дѣйствія парламента, никто не сомнѣвался. Спорнымъ могъ являться лишь вопросъ, кто долженъ былъ быть въ отвѣтъ за незаконныя постановленія палаты. И въ этомъ отношеніи мы видимъ, что опредѣленной практики не выработалось: кара постигаетъ то спикера, то инициатора предложенія. Лишь значительно позднѣе пришли къ убѣжденію, что единственной законной реакціей на неправильныя дѣйствія парламента является его роспускъ.

Глава вторая.

Ланкастерская и Йоркская династии.

I.

Вступленіе на престолъ Ланкастерскаго дома ознаменовало собой новую эру въ отношеніяхъ между королемъ и парламентомъ. Правда, въ теченіи XV ст. палаты новыхъ правъ не приобрѣли; но зато какъ дѣлопроизводство, такъ и парламентскія привилегіи получили опредѣленную правовую структуру. Основаніемъ всей дѣловой процедуры становится билль, вводится система трехъ чтеній, за нижней палатой признается право первоначальнаго разсмотрѣнія финансовыхъ законопроектовъ и т. п. ¹⁾

Что касается привилегій, то тотчасъ по вступленіи Генриха IV на престолъ вопросъ о свободѣ слова былъ возбужденъ самимъ парламентомъ. Въ 1401 г. общины обратились къ королю съ петиціей слѣдующаго содержанія. Можетъ случиться, говорили коммонеры, что нѣкоторые изъ членовъ парламента, дабы понравиться монарху и получить повышение по службѣ („*pur faire plaisance au Roy et pur avancer soy mesmes*“) будутъ ему доносить о томъ, что въ палатѣ происходили дебаты, способные возбудить его неудовольствіе. Такихъ лицъ общины просили короля не выслушивать вовсе. На это ходатайство Генрихъ отвѣтилъ, что онъ, желая, чтобы палата обсуждала всѣ дѣла по своему разумѣнію на пользу всего королевства, не станетъ слушать доносчиковъ, а будетъ считаться только съ тѣмъ, что ока-

1) Подробности см. у Redlich, *op. cit.*, S. 31 ff.

жется представленнымъ ему „par advis et assent des toutz les communes“¹⁾.

Какъ видно изъ этого ходатайства, общины вовсе не требуютъ свободы слова, какъ таковой, т. е. права касаться любыхъ предметовъ въ любой формѣ; онѣ претендуютъ лишь на тайну своихъ совѣщаній: никому, не исключая короля, нѣтъ дѣла до того, что на нихъ происходитъ. Лишь результаты дебатовъ, принятая резолюція, имѣютъ быть представлены на усмотрѣніе короля.

Къ тому же времени относится и другое мѣропріятіе, оказавшее съ теченіемъ времени громадное вліяніе на отношенія между палатами и правительствомъ: Генрихъ, которому досаждалъ своими безконечными витеватыми рѣчами спикеръ общинъ Savage, потребовалъ, чтобы впредь палата представляла ему проекты резолюціи въ письменной формѣ²⁾. Тѣмъ самымъ корона получила возможность задерживать утвержденіе биллей до представленія финансоваго закона³⁾.

Въ 1407 г. вопросъ о финансовыхъ правахъ общинъ былъ поднятъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ преній. Поводомъ послужило столкновение между верхней и нижней палатами. Нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, Генрихъ обратился за субсидіей къ лордамъ, причемъ коммонерамъ было предложено прислать нѣсколько представителей для присутствованія на совѣщаніи. Палата отрядила двѣнадцать своихъ членовъ, которые, по окончаніи засѣданій, представили ей соотвѣтственный докладъ. Вся процедура, однако, была признана коммонерами незаконной и состоявшейся „en grant prejudice et derogation de lour libertees“⁴⁾. При такихъ обстоятельствахъ королю и лордамъ пришлось уступить; было принято рѣшеніе, что „отнынѣ будетъ законно для лордовъ совѣщаться въ отсутствіи короля о дѣлахъ государства и о средствахъ для устраненія возникающихъ затрудненій. А также для общинъ будетъ законно совѣщаться съ своей стороны между собой объ упомянутыхъ

1) Rot. Parl., III, 456.

2) Ibid.

3) Stubbs, op. cit., III, 29 fol.

4) Rot. Parl., III, 611.

МММ

„дѣлахъ и средствахъ. При этомъ лорды не должны брать „на себя извѣщеніе короля о резолюціяхъ, принятыхъ общи- „нами и одобренныхъ ими, лордами, по дѣламъ, касающимся „разрѣшенія субсидій, и равно не должны дѣлать подобныя „извѣщенія прежде, чѣмъ вопросъ не будетъ обсужденъ „какъ лордами, такъ и общинами, и между тѣми и другими „не состоится соглашенія; послѣ этого о принятомъ рѣше- „ніи король имѣетъ быть извѣщенъ въ обычаемъ устано- „вленной формѣ, т. е. черезъ спикера палаты общинъ“¹⁾.

Одновременно съ этимъ было признано, что отпускъ субсидій зависитъ отъ нижней палаты, верхняя же даетъ лишь свое согласіе на это. Какъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу Redlich, привилегированное положеніе общинъ относительно т. наз. money-bills было возведено въ основное положеніе англійскаго государственнаго права, причѣмъ нижняя палата изъ представительницы одного сословія превратилась въ представительницу всей націи²⁾.

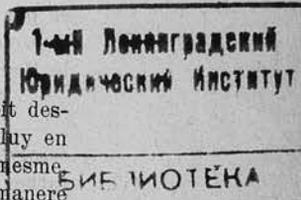
Въ 1411 г. снова заходитъ рѣчь о парламентской свободѣ слова. При открытіи сессіи спикеръ обратился къ королю съ ходатайствомъ о предоставленіи ему свободы докладовъ. Генрихъ отвѣтилъ, что онъ будетъ, по отношенію къ данному парламенту, поступать такъ, какъ поступали его предшественники и онъ самъ до сихъ поръ и что новшество онъ никакихъ не желаетъ — привилегіи и свобода парламента должны быть сохранены въ полной неприкосновенности³⁾.

Черезъ три дня общины представили письменный отвѣтъ на рѣчь короля. Въ этомъ отвѣтѣ палата указала на то, что она не стремится къ большимъ, чѣмъ прежде, привилегіямъ; поэтому, если спикеръ скажетъ что-либо противное регалии и прерогативѣ короля, то пусть послѣдній взгля-

1) Ibid.

2) Op. cit., 34; Гнейстъ, назв. соч., 430.

3) Rot. Parl., III, 648: „A quoi le Roy grounda qu'il parleroit des-soutz tiele Protestation come autres Parlours avoient fait devant luy en temps de ses nobles progenitours et auncestrs, et en son temps demesme mais nemye autrement. Qar il ne vorroit aucunement avoir nulle manere de Novellerie en cest Parlement, mais q'il vovrait estre et esteer en ses liberte et franchise auxi entierment et a large come aucunes de ses ditz progenitours ou auncestrs avoient estee en aucun temps passe“.

нетъ на это какъ на недосмотръ или небрежность, но не какъ на проявленіе злой воли, и потому простить палату. Король на это выразилъ свое согласіе¹⁾.

Такимъ образомъ, въ царствованіе перваго представителя Ланкастерскаго дома, согласіе между королемъ и парламентомъ было полное, по крайней мѣрѣ по вопросу о свободѣ рѣчи. Лучшимъ доказательствомъ служить то, что когда въ 1411 г. вотированъ былъ одинъ билль, задѣвшій, по мнѣнію Генриха его прерогативу, общины, узнавъ о неудовольствіи короля, успѣшили взять билль обратно и обратились къ нему съ просьбой объявить ихъ „*roug voz foialx et loialx liges et soubges*“²⁾.

Палаты соблюдали во время преній возможную корректность, король въ нихъ не вмѣшивался и считался только съ представляемыми ему законопроектами³⁾. Предметомъ сужденій парламента были всѣ дѣла, имѣвшія государственное значеніе, причемъ палаты строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не происходило вторженій въ область королевской прерогативы.

Такъ обстояло дѣло и при двухъ другихъ представителяхъ Ланкастерскаго дома. Впрочемъ, во время царствованія Генриха VI (1422—1461) со стороны короны разъ приняты были репрессивныя мѣры противъ провинившагося члена парламента. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ 1451 г. Нѣкій Thomas Yonge или Young, представитель Бристоля, внесъ въ нижнюю палату предложеніе объявить герцога Йоркскаго наследникомъ престола. Въ наказаніе за это онъ правительствомъ былъ посаженъ въ Тоуэръ.

1) Ibid.: „Et si riens seroit parlez par le dit Parlour qe serroit en desplesance du Roy notre Sire, ou encontre ses Regalie et Prerogatif, qe Dieu defende, qe pleust a Roy de l'accepter come chose faite de negligence, et pur defant de seen et escience, et pur nule autre malvoise volonte n'entention, et d'ent avoir le dit Parlour et les Communes pur exensez. A quoy le Roy s'agrea bien“.

2) Ibid., 658.

3) Какъ замѣчаетъ Stubbs, *op. cit.*, III, 508, „the debates were certainly respectful to the King; of their freedom we can judge by results rather than by details“. При открытіи каждой сессіи спикеръ считалъ своимъ долгомъ напередъ извиниться предъ королемъ на тотъ случай, если постановленія парламента ему покажутся сколько-нибудь обидными или неумѣстными.

Черезъ 4 года Young подалъ парламенту петицію, въ которой онъ, указывая но неправильно понесенное имъ наказаніе, благодаря невѣрному докладу его дѣла королю, просилъ общины исходатайствовать ему у короля и лордовъ какую нибудь „компенсацію„ (compensation). Коммонеры переслали петицію въ верхнюю палату, а король приказалъ лордамъ своего совѣта удовлетворить просителя по ихъ усмотрѣнію¹⁾. Ближайшія обстоятельства этого дѣла неизвѣстны²⁾.

Что же касается кратковременнаго правленія Гюркскаго дома, то оно ознаменовало собою небывалое паденіе власти парламента и почти деспотическій способъ управленія страной со стороны короны. При Эдуардъ IV (1461—1483) общины почти не созываются³⁾, а при Ричардъ III (1483—1485) дѣятельность ихъ проявляется исключительно въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ и въ обсужденіи петицій частныхъ лицъ.

1) Rot. Parl., V, 337.

2) Stubbs, op. cit., III, 511.

3) См. перечень парламентовъ у Parry, op. cit., 189 fol.

Глава третья.

Правленіе Тюдоровъ. Генрихъ VIII.

I.

Царствованіе перваго изъ Тюдоровъ—Генриха VII (1485—1509) — было посвящено восстановленію порядка и спокойствія въ странѣ, не успѣвшей еще оправиться отъ войны бѣлой и алой розъ. Междоусобица отразилась, прежде всего, на положеніи парламента, утратившаго всякую самостоятельность. Цвѣтъ англійскаго рыцарства погибъ на поляхъ сраженія, и, лишеныя лучшихъ своихъ представителей, общины вступаютъ на путь покорности и уступокъ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ первымъ Тюдорамъ не трудно было продолжать политику своихъ непосредственныхъ предшественниковъ и предписывать парламенту свою волю. Но сколь короли ни стремились къ абсолютизму, все же они преклонялись передъ національнымъ правомъ страны и передъ выработавшимися въ продолженіи предыдущихъ вѣковъ политическими устоями; буква закона ими свято соблюдалась²⁾, и формальныя нарушенія конституціи тщательно избѣгались. Вообще говоря, эпоха правленія дома Тюдоровъ представляетъ собой любопытную картину кричащаго про-

1) Glasson, Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre, t. V, Par. 1873, p. 71 et suiv.; H. A. L. Fisher, The history of England from the accession of Henry VII to the death of Henry VIII. Lond. 1906, p. 7.

2) Какъ замѣчаетъ Taswell-Langmead, op. cit., 368, „tyrant as he (Henry VIII) was, he was yet animated by a scrupulous regard for the letter of the law“. Cp. Freeman, The growth of the english constitution (Tauchnitz's ed., Lond. 1872), p. 142, 143.

творѣчія между теоріей и практикой. На дѣлѣ, значеніе парламента временами сводится къ нулю: Генрихъ VIII и Елизавета управляютъ государствомъ почти какъ неограниченные монархи. Теоретически же, они признаютъ власть народнаго представительства во всей ея полнотѣ. Но эта власть не должна ихъ стѣснять, служить имъ помѣхой: въ противномъ случаѣ они праву безъ всякаго колебанія противопоставляютъ силу¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, положеніе парламента, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было два вѣка тому назадъ, значительно измѣнилось, по крайней мѣрѣ съ юридической точки зрѣнія. Изъ королевскаго совѣта, имѣющаго совѣщательный характеръ и вѣдающаго лишь разрѣшеніе субсидій, да разборъ подаваемыхъ петицій, парламентъ превращается въ государственный органъ, творящій право. Конституціонный строй пріобрѣтаетъ твердый фундаментъ и находитъ себѣ выдающихся апологетовъ. Такъ, уже Fortescue учитъ, что Англія не представляетъ изъ себя *dominium regale*, гдѣ дѣйствуетъ правило „*quid principi placuit legis habet vigorem*“, а *dominium regale et politicum* (т. е. монархію ограниченную), гдѣ статуты издаются съ согласія всего королевства, представленнаго въ парламентѣ²⁾. Аналогичныя доктрины уже проповѣдывались Gower'омъ³⁾ и Thomas Occlev'омъ⁴⁾ въ первой половинѣ XIV в.⁵⁾ Ко времени вступленія дома Тюдорововъ на престолъ, научная мысль, освободившись отъ оковъ абсолютизма, уже умѣла проложить себѣ новые пути и выработать новые политическіе идеалы, подготовля

1) Къ этому ихъ поощряло работѣствующее поведеніе самаго парламента. Какъ говоритъ Tasswell-Langmead, *op. cit.*, 369: „The Parliament was indeed so disgracefully subservient and sycophantic that where was little temptation for the King to endeavour to destroy an institution which served to cover his most outrageous proceedings with a convenient and plausible appearance of popular approbation“.

2) De laudibus legum Angliae. Ср. его же On the governance of England, с. 1. О Fortescue см. интересный этюдъ М. М. Ковалевскаго, Отъ прямого народоправства къ представительному и т. д., т. I, М. 1906, стр. 247 и слѣд.

3) Confessio amantis.

4) De regimine principum.

5) Объ нихъ см. М. Ковалевскій, наз. соч., I, стр. 240 и слѣд.

этимъ то великое движеніе, которое бурей разразилось въ половинѣ XVII в.

Упомянутая выше двойственность особенно ярко сказалась въ вопросѣ о парламентскихъ привилегіяхъ. Въ принципѣ, онѣ Тюдорами безусловно признаются. Въ царствованіе Генриха VIII (1509—1547)¹⁾ въ палатѣ общинъ, по свидѣтельству Froude²⁾, теоретически, господствовали неограниченная свобода слова и ничѣмъ не стѣсняемое право каждаго члена вносить любыя предложенія. Самъ Генрихъ это торжественно заявилъ въ 1529 г. въ письмѣ къ папѣ Клименту VII³⁾. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ и значеніи этого заявленія, необходимо воспроизвести ту обстановку, при которой оно было сдѣлано.

На 20-омъ году своего царствованія Генрихъ очутился въ весьма затруднительномъ финансовомъ положеніи. Для полученія необходимыхъ денежныхъ средствъ ему необходима была помощь парламента. Съ другой стороны, его намѣреніе развестись съ женой (Екатериной Арагонской) и вступить въ бракъ съ Анной Болейнъ встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны папскаго престола, а также громко осуждалось общественнымъ мнѣніемъ въ самой Англии. Поддержка парламента и въ данномъ отношеніи была крайне желательна. При этомъ, само собою разумѣется, весьма важно было придать рѣшеніямъ палатъ по крайней мѣрѣ видимость самостоятельности. Какъ извѣстно, парламента 1529 г. оказался на высотѣ положенія и его „свободныя“ рѣчи вполнѣ совпали съ желаніями короля⁴⁾.

И дѣйствительно, пока между короной и народнымъ представительствомъ царило довѣріе, все обстояло благо-

1) При Генрихѣ VII (1485—1509) парламента созывался всего два раза и вопросъ о привилегіяхъ не возбуждался вовсе.

2) History of England from the fall of Wolsey to the death of Elizabeth, v. I, Lpz. 1861, p. 127.

3) „The discussions in the English Parliament, писалъ король, are free and unrestricted; the crown has no power to limit their debates or to controul the votes of the members. They determine everyting for themselves, as the interest of the commonwealth require“. Froude, *ibid*.

4) См. Froude, *op. cit.*, I, 126; Гринъ, наз. соч., II, стр. 115 и слѣд.; Fisher, *op. cit.*, p. 289 fol.

получно: министры готовили дѣла и, обыкновенно, на строеніе палатъ было настолько хорошо извѣстно, что, за исключеніемъ денежныхъ требованій, рѣдко предлагались мѣры, принятіе которыхъ могло быть сомнительнымъ или которыя могли бы вызвать дебаты¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ общемъ, народные представители въ разсматриваемую эпоху относились довольно безразлично къ своимъ обязанностямъ, и въ 1515 г. пришлось имъ запретить, подъ страхомъ наказанія, отлучаться до окончанія сессіи изъ того мѣста, гдѣ засѣдаетъ парламентъ²⁾.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія Генриха VIII относится возникновеніе обычая испрашивать у короля, въ началѣ каждой сессіи, подтвержденіе привилегій парламента. Въ прежнее время спикеръ ходатайствовалъ о гарантіи лишь для себя лично. Въ 1542 г. спикеръ Moyle впервые просить о предоставленіи freedom of speech для всѣхъ вообще членовъ нижней палаты³⁾. Протоколы этой послѣдней за 1562 г. въ первый разъ даютъ текстъ той рѣчи спикера, съ которой онъ обратился къ коронѣ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ⁴⁾. Съ тѣхъ поръ испрошеніе передъ открытіемъ парламента свободы слова, свободы отъ ареста (freedom from arrest) и наиболѣе благопріятнаго истолкованія дебатовъ становится обычнымъ явленіемъ⁵⁾.

II.

Въ 1512 г. возникло знаменитое дѣло *Strode*. Этотъ послѣдній — членъ палаты общинъ — былъ приговоренъ однимъ изъ мѣстныхъ судовъ — т. наз. *Stannary Court*⁶⁾ къ денеж-

1) Froude, loc. cit., 127.

2) 6 Hen. VIII, c. 16, Statutes, 2-d ed. I, 244.

3) Prothero, Select statutes and other constitutional documents illustrative of the reigns of Elizabeth and James I., 3-d ed., Oxf. 1906, p. LXXXVII.

4) Вотъ то мѣсто, которое относится къ свободѣ рѣчи: „Thirdly, that the assembly of the Lower House may have frank and free liberties to speak their minds without any controlment, blame, grudge, menaces or displeasure, according to the old ancient order“. Prothero, op. cit., 117.

5) См. May, Traité des lois, privilèges, etc., I, 62.

6) Этому суду подсудны были, до 1896 г., дѣла объ оловянныхъ рудникахъ и рудокопахъ въ Корнуэльсѣ. См. Taswell-Langmead, op. cit., 325, п. 2.

ному штрафу и тюремному заключенію за то, что имъ внесены были билли, касавшіеся Корнуэльскихъ рудокоповъ. Парламентъ, усмотрѣвъ здѣсь нарушение своихъ правъ и привилегій, вмѣшался въ дѣло и издалъ особый актъ (4 Неп. VIII с. 8), согласно которому, во-первыхъ, производство суда было признано юридически ничтожнымъ, и, во вторыхъ, установлено было, что всякое судебное преслѣдованіе или процессъ противъ *Strode*, или вообще, всякаго лица, входящаго въ составъ настоящаго или будущихъ парламентовъ по поводу внесенныхъ биллей, сдѣланныхъ заявленій или произнесенныхъ рѣчей, ничтожны и недѣйствительны, разъ таковыя касались дѣлъ, подвѣдомственныхъ парламенту¹⁾.

Приведенный актъ, несомнѣнно, представлялъ изъ себя крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія иммунитета. Его значеніе не исчерпывается, какъ думаетъ Мау, тѣмъ, что онъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ существованія привилегіи и до этого времени²⁾; самое важное то, что здѣсь впервые привилегія получила опредѣленную и точную законодательную формулировку. До того времени, свобода слова, какъ мы видѣли, являлась какъ бы рефлексомъ непубличности засѣданій парламента; теперь она становится субъективнымъ правомъ этого послѣдняго. Но этого мало: привилегія, согласно акту 1512 г. носить абсолютный характеръ; она распространяется на „any bill, speaking, reasoning or declaring“ т. е. на всѣ, рѣчи и сужденія, высказываемыя въ парламентѣ, независимо отъ ихъ содержанія.

При этомъ статутъ обставляетъ иммунитетъ цѣлой сѣтью гарантій, запрещая всякаго рода воздѣйствія на членовъ парламентовъ какъ со стороны судовъ, такъ и со стороны

1) „And... that all suits, condemnations, executions, fines, amerciements, punishments, corrections, grevances, charges and impositions put or had or hereafter to be put or had upon the said Richard Strode and to every other person or persons that now be of the present Parliament or that of any Parliament thereafter shall be, for any bill, speaking, reasoning or declaring of any matter or matters concerning the Parliament, to be communed and treated of, be utterly void and of none effect“. Statutes, 2-d ed. I, 240—243.

2) Op. cit., I, 103: „Etant donné que les procédures déjà entamées contre Strode avaient été déclarées nulles, il est évident que la liberté de la parole était déjà admise comme un privilège du parlement; qu'elle ne fut point alors promulguée comme telle pour la première fois“.

правительства. Этим самым законъ признаетъ, что единственнымъ компетентнымъ судьей надъ народными представителями является сама палата. И дѣйствительно, начало развитія т. наз. парламентской дисциплины въ Англии относится какъ разъ къ XVI ст. Издавна принадлежавшая лордамъ уголовная юрисдикція надъ всѣми лицами, виновными въ нарушеніи ихъ привилегій (*breach of privilege*), присвоится нижней палатѣ. Первый случай примѣненія ею своей карательной власти относится къ 1543 г.: Лондонскіе шерифы, отказавшіеся выпустить на свободу, по ея требованію, депутата *Feggers*, арестованнаго по распоряженію Суда Королевской Скамьи, были сами взяты подъ стражу и посажены въ тюрьму¹⁾. Въ 1548 г. коммонеры налагаютъ наказаніе на одного изъ своихъ сочленовъ: по ихъ приказу арестовывается депутатъ *John Storie* за оскорбительныя для палаты рѣчи. Десять лѣтъ спустя та-же мѣра примѣняется по отношенію къ *Thomas Corleu*, позволившемъ себѣ непочтительно отозваться о королевѣ (Маріи Кровавой)²⁾. Съ тѣхъ поръ принятіе палатой дисциплинарныхъ и карательныхъ мѣръ по отношенію къ ея членамъ становится нормальнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ свобода парламентскихъ преній съ первыхъ же дней ея легальнаго признанія получаетъ характеръ не безнаказанности за преступленія совершенныя словомъ съ парламентской трибуны, а исключительной подсудности этихъ дѣяній самому парламенту. Этотъ характеръ, какъ мы увидѣли ниже, сохранился за привилегіей и понынѣ.

1) *Ma y*, *op. cit.*, I, 112.

2) *Tas well-Langmead*, *op. cit.*, 405, 486.

Глава четвертая.

Правленіе Тюдоровъ. Елизавета.

I.

Вторая половина XVI ст. изобилуетъ столкновениями между правительствомъ и парламентомъ по вопросу о содержаніи иммунитета. Какъ и прежде, принципъ никѣмъ не отрицается. Но проведеніе его на практикѣ встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ со стороны властолюбивой королевы. Первый конфликтъ произошелъ вскорѣ послѣ вступленія Елизаветы (1558—1603) на престоль, а именно въ 1563 г.

Общины и лорды представили ей о необходимости назначить наслѣдника короны и вступить въ бракъ¹⁾. Королева сочла такое ходатайство неумѣстнымъ и отвѣтила довольно рѣзко²⁾. Три года спустя, парламентъ рѣшилъ снова поднять этотъ вопросъ, и на этотъ разъ въ связи съ разрѣшеніемъ субсидій. Подобное поведеніе общинъ показалось Елизаветѣ неслыханной дерзостью и совершенно невозвратительнымъ вмѣшательствомъ въ сферу ея прерогативы. Но такъ какъ лорды присоединились къ коммонерамъ и также просили королеву вступить въ бракъ, то она по данному вопросу рѣшила уступить и дала соотвѣтственное обѣщаніе. Иначе отнеслась она къ ходатайству о назначеніи наслѣдника. Прежде всего, она запретила палатамъ продолжать обсужденіе этого вопроса. Это вызвало большое

1) Въ 1558 г. общины уже обращались къ королевѣ съ аналогичнымъ ходатайствомъ. Отвѣтъ тогда былъ данъ уклончивый. См. Cobbett, Parliamentary History of England, I, 661.

2) Parl. Hist., I, 699; Froude, op. cit., VII, 488.

волненіе въ нижней палатѣ, и одинъ изъ ея членовъ (Wentworth) даже поднялъ вопросъ о томъ, не является ли предписаніе королевы нарушеніемъ парламентской свободы. Начались весьма жаркіе дебаты, которые продолжались съ 9 ч. утра до 2 ч. пополудни. На слѣдующій день поступило вторичное посланіе королевы, подтверждавшее запрещеніе обсуждать вопросъ о престолонаслѣдіи. Палата отвѣтила на это требованіемъ свободы дебатовъ, а затѣмъ перешла къ разсмотрѣнію притязаній шотландской королевы, причѣмъ одинъ изъ коммонеровъ — Dalton — произнесъ весьма рѣзкую рѣчь. Елизавета немедленно велѣла его арестовать и предать суду Звѣздной Палаты. Черезъ нѣсколько дней, однако, онъ былъ выпущенъ на свободу, и палатѣ было объявлено, что королева вовсе не имѣла въ виду нарушить ея привилегіи, такъ какъ она предполагала испросить разрѣшеніе общинъ на преслѣдованіе Dalton'a. Общины, которыя нисколько не стремились къ обостренію конфликта, очень обрадовались такому отвѣту и поспѣшили вотировать субсидіи¹⁾.

Изложенный инцидентъ, несомнѣнно, весьма характеренъ. Въ общемъ покорный и низкопоклонный, парламентъ поднимаетъ голову какъ только рѣчь заходитъ о его привилегіяхъ²⁾. При этомъ онъ отлично сознаетъ, что въ его рукахъ есть сильное средство борьбы съ короной: не даромъ, какъ передаютъ историки, во время преній билль о субсидіяхъ демонстративно лежалъ на столѣ передъ спикеромъ.

Въ 1571 г. чуть не дошло до новаго столкновенія³⁾.

1) Parl. Hist., I, 708—716; Froude, op. cit. VIII, p. 312—324.

2) Гринъ, наз. соч., II, 282, рассказываетъ, что Елизавета, узнавъ о рѣшеніи палаты, воскликнула: „они дѣйствуютъ какъ бунтовщики! Они обращаются со мной какъ не посмѣли бы обращаться съ моимъ отцомъ“. „Я не могу понять, гнѣвно воскликнула она въ разговорѣ съ испанскимъ посланникомъ, что нужно этимъ дьяволамъ? Имъ нужна свобода, отвѣтилъ испанецъ, и если государи не подумаютъ объ этомъ хорошенько и не будутъ совокупными силами подавлять такихъ господъ, то имъ скоро придется понять, о чемъ идетъ дѣло“.

3) Предыдущій парламентъ былъ распущенъ 2 января 1567 г., и въ теченіи 4 лѣтъ Елизавета обходилась безъ палатъ. Не безынтересно отмѣтить, что 10 апрѣля 1571 г. (открытіе парламента состоялось 2-го) Елизавета предложила общинамъ избѣгать длинныхъ рѣчей. Это вызвало неудовольствіе палаты, и королева поспѣшила заявить че-

Одинъ изъ депутатовъ — Strickland — внесъ предложеніе объ исправленіи англиканской молитвенной книги (Common Prayer Book). Королева воспретила ему участіе въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ парламента. До коммонеровъ, однако, извѣстіе объ этомъ инцидентѣ дошло въ искаженномъ видѣ: распространился слухъ, будто Strickland арестованъ, и въ засѣданіи 20 апрѣля поднять былъ вопросъ о нарушеніи парламентскаго иммунитета. На слѣдующій день, однако, Strickland'у было разрѣшено вернуться въ парламентъ и этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ¹⁾.

Съ теченіемъ времени отношенія между короной и парламентомъ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. При закрытіи парламента 1571 г. Елизавета велѣла передать членамъ нижней палаты, что она осталась весьма довольна скромнымъ и приличнымъ поведеніемъ большей части ея членовъ, но что нѣкоторые изъ нихъ, зато, вели себя дерзко и вызывающе²⁾. Достожданный отвѣтъ данъ былъ королевѣ черезъ 4 года представителемъ мѣстечка Тугону въ Корнуэльсѣ, Петромъ Wentworth'омъ. Въ длинной рѣчи, переполненной цитатами изъ Св. Писанія и Bracton'a, Wentworth сталъ доказывать, что дававшіяся за послѣднее время короной указанія относительно содержанія дебатовъ представляютъ изъ себя явное нарушеніе привилегій парламента. Между тѣмъ, свобода рѣчи есть основаніе всякой законо-

резъ спикера, что она по прежнему расположена къ парламенту („to have as good liking of the House now, as ever of any Parliament since her Majesty's Reign“), Parry, op. cit., 218, 220.

1) Parl. Hist., I, 746, 747, 761—763; Froude, op. cit., X, 193 fol.; M. Brosch, Geschichte von England, VI, 1890, S. 561; Parry, op. cit., 220 fol.; Prothero, op. cit., 119.

2) „... her maj. hath commanded me to say unto you, that like as the greatest number of them of the Lower House, have in the proceedings of this session shewed themselves modest, discreet, and dutiful, as becomes good and loving subjects, and meet for the places that they be called unto: so there be certain of them, although not many in number, who in the proceeding of her session, have shewed themselves audacious, arrogant, and presumptuous, calling her maj.'s grants and prerogatives also in question, contrary to their duty, etc.“ Parl. Hist. I, 766. Въ слѣдующемъ году, при открытіи сессіи, королева снова дала парламенту рядъ указаній и потребовала, чтобы нѣкоторые вопросы имъ вовсе не разсматривались, *ibid.*, 782.

дательной дѣятельности; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, смѣшно говорить о парламентѣ: на лицо имѣется лишь школа лести и лицемерія.

Эта рѣчь, въ которой мы впервые находимъ теоретическое обоснованіе иммунитета, настолько перепугала палату, что она немедленно распорядилась арестовать оратора и образовать особую комиссію для разсмотрѣнія дѣла. Комиссія, допросивъ Wentworth'a, представила особый докладъ палатѣ, которая признала оратора виновнымъ и приговорила его къ тюремному заключенію. Мѣсяць спустя, однако, Wentworth, по распоряженію королевы, былъ выпущенъ на свободу¹⁾.

Новая сессія парламента открылась лишь въ 1581 г. Въ своемъ отвѣтѣ на адресъ общинъ Елизавета вновь предписала не касаться въ преніяхъ ея личности, а также церковнаго управленія. Это не помѣшало Павлу Wentworth'у (брату Петра) внести предложеніе о назначеніи опредѣленнаго дня для всенароднаго поста и о введеніи ежедневной проповѣди. Предложеніе, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, было принято 115 голосами противъ 100. Королева, узнавъ объ этомъ, вызвала къ себѣ спикера и приказала ему передать палатѣ, что постановленіе должно быть взято обратно. То же самое подтвердилъ и представитель правительства въ засѣданіи 24 января и сдѣлалъ это въ выраженіяхъ, весьма унижительныхъ для парламента. Послѣдній сначала всполошился, но вскорѣ благоразуміе одержало верхъ; резолюція была взята обратно, и королевѣ принесены были извиненія²⁾.

Въ 1587 г. вновь имѣлъ мѣсто довольно любопытный инцидентъ. Одинъ изъ Wentworth'овъ внесъ въ палату цѣлый рядъ запросовъ, въ которыхъ онъ въ рѣзкой формѣ указывалъ на различнаго рода нарушенія правъ и привилегій парламента³⁾. Въ результатъ, Wentworth былъ отправленъ въ тюрьму, а за нимъ и четыре другихъ депутата,

1) Parl. Hist., I, 784—793, 802; Parry, op. cit., 223, 224; Hallam, Constitutional history of England, 9-e ed., I, 255 fol.

2) Parl. Hist. I, 811—813; Froude, op. cit., XI, 77 fol.

3) Первый изъ этихъ вопросовъ гласилъ: „whether this council be not a place for any member of the same here assembled, freely and without controlment of any person, or danger of laws, by bill or speech, to

поддержавшіе его предложеніе. Какъ долго они сидѣли въ Тоуэрѣ и чѣмъ, вообще, дѣло кончилось — неизвѣстно¹⁾. Но слѣдуетъ отмѣтить, что палата отказалась выразить протестъ противъ этого нарушенія ея привилегій.

Къ концу своего царствованія Елизавета становится еще болѣе надменной и вызывающей по отношенію къ народнымъ представителямъ. Но и послѣдніе начинаютъ поднимать голову все выше и выше. Въ виду имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе года частыхъ нарушеній привилегій, къ концу XVI ст. устанавливается обычай, въ началѣ каждой сессіи образовывать особый постоянный комитетъ для разсмотрѣнія подобнаго рода дѣлъ и представленія соотвѣтственныхъ докладовъ палатѣ²⁾.

Въ 1593 г. дѣло дошло до крайне остраго столкновенія. При открытіи сессіи королева прямо заявила, что она рассчитываетъ на быстрое разрѣшеніе тѣхъ дѣлъ, которые будутъ предложены парламенту; что не желаетъ безполезныхъ рѣчей и что депутатамъ слѣдуетъ говорить по существу, а не тратить времени на пустые разговоры („vain orations, full of verbosity and of vain ostentations“). Между тѣмъ, какъ бы на зло, спикеръ палаты общинъ, знаменитый Edward Coke, авторъ „Институцій англійскаго права“, испрашивая обычную гарантію привилегій, произнесъ до крайности витиеватую рѣчь. Лордъ-канцлеръ отвѣтилъ ему въ нѣсколько проницательскомъ тонѣ. Coke счелъ нужнымъ возразить и въ своемъ отвѣтѣ нагромоздилъ неизмеримое количество всякаго рода цитатъ и риторическихъ украшеній. Закончилъ онъ свою рѣчь тремя ходатайствами, причемъ одно заключалось въ томъ, чтобы „liberty of speech, and freedom from arrest according to the ancient custom of parliament be granted to your subjects“.

Цвѣты краснорѣчія маститаго юриста, повидимому, раз-

utter any of the griefs of this Commonwealth whatsoever, touching the service of God, the safety of the prince and this noble realm“? Parl. Hist. I, 852; Parry, op. cit., 228, 229.

1) Parl. Hist. I, 853.

2) Первый „Permanent Committee for Privileges“ былъ образованъ въ 1589 г., послѣдующіе въ 1593, 1597 и 1601 гг. Съ тѣхъ поръ комитеты стали формироваться передъ началомъ каждой сессіи. Prothero, op. cit., LXXXVIII, 117, 118.

дражающимъ образомъ подѣйствовали на королеву, которая повелѣла лорду-канцлеру отвѣтить общинамъ, что свобода слова имъ, дѣйствительно, гарантируется, но что эта свобода заключается въ правѣ отвѣтить да или нѣтъ, но отнюдь не въ возможности говорить все, что придетъ въ голову ¹⁾.

Это заявленіе, однако, встрѣчено было довольно равнодушно, и не прошло двухъ лѣтъ какъ Петръ Wentworth, давно уже извѣстный своимъ радикальнымъ образомъ мыслей, внесъ въ палату предложеніе обратиться къ королевѣ съ ходатайствомъ урегулировать, наконецъ, вопросъ о престолонаслѣдіи. Какъ того и слѣдовало ожидать, Wentworth былъ по распоряженію Елизаветы заключенъ въ Тоуэръ вмѣстѣ съ тремя другими депутатами. Парламентъ къ этому отнесся довольно индифферентно, но оппозиція не сдалась: когда рѣчь зашла объ испрашиваемыхъ короной субсидіяхъ, Francis Bacon произнесъ пламенную рѣчь, и самъ спикеръ Coke высказался за отказъ въ денежныхъ средствахъ, въ виду незаконности требованій правительства. Правда, палата въ концѣ концовъ уступила, и Bacon даже извинился за свою рѣзкость: но тѣмъ не менѣе правительству пришлось услышать много горькихъ истинъ, далеко выходявшихъ за предѣлы тѣхъ рамокъ, которыя оно согласно было признавать для парламентской свободы слова ²⁾.

Послѣдній парламентъ, созванный Елизаветой, собрался въ 1601 г. При открытіи его, спикеръ съ особой настойчивостью сталъ напирать на привилегію свободы рѣчи.

1) „Privilege of speech is granted, but you must know, what privilege you have; not to speak every one what he listeth, or what cometh in his brain to utter that; but your privilege is, a ye or no“. Parl. hist., I, 862. Этому отвѣту въ литературѣ придается, обыкновенно, весьма большое принципиальное значеніе. Въ немъ усматриваютъ особенно характерное доказательство отрицательнаго отношенія Елизаветы къ парламентскимъ привилегіямъ вообще и къ свободѣ слова въ частности. Едва ли, однако, это такъ. Самовластный и раздражительный характеръ королевы не разъ побуждалъ ее, какъ мы выше видѣли, и не къ такимъ еще выходкамъ по отношенію къ парламенту. И сама палата, сколько извѣстно, отнеслась довольно равнодушно къ королевскому отвѣту, не усмотрѣвъ въ немъ ничего, заслуживающаго особеннаго ея вниманія.

2) Parl. Hist., I, 870—880; Parry, op. cit., 232; Brosch, op. cit., VI, 647.

Королева обѣщала гарантировать иммунитетъ, но съ тѣмъ, чтобы палата не тратила времени на праздные разговоры, а занялась дѣломъ. Палата этотъ отвѣтъ обошла полнымъ молчаніемъ¹⁾.

II.

Таковы внѣшніе итоги царствованія Елизаветы. Между парламентомъ и короной, какъ видно, идетъ упорная борьба, причемъ сталкиваются какъ бы два различныхъ міровоззрѣнія. Королева все еще требуетъ для себя право контроля надъ дѣятельностью парламента. Она не можетъ отрѣшиться отъ взгляда на депутатовъ какъ на лицъ, подчиненныхъ ея дисциплинарной власти. Этимъ и объясняется ея своеобразное отношеніе къ привилегіямъ парламента и, въ частности, къ свободѣ слова. Въ принципѣ, она ея не отрицаетъ; вмѣшательство судовъ и администраціи въ пренія палатъ представляется ей недопустимымъ. Но притязанія общинъ на полную безотвѣтственность кажутся ей незаконными и оскорбительными, въ особенности когда задѣвается ея личность или когда коммонеры касаются вопросовъ, составляющихъ ея прерогативу. Въ этихъ случаяхъ Елизавета, отстаивая свое право, считаетъ возможнымъ прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ провинившихся депутатовъ. По ея мнѣнію, всякій разъ, когда палаты превышаютъ свою компетенцію, онѣ нарушаютъ свободу слова; послѣдняя имѣетъ какое-либо значеніе только въ томъ случаѣ, когда парламентъ остается въ законныхъ рамкахъ. Эта точка зрѣнія сквозитъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей и посланій Елизаветы; съ особенной ясностью она сказалась въ томъ отвѣтѣ, который въ 1593 г. былъ данъ отъ ея имени лордомъ-канцлеромъ спикеру общинъ Эдуарду Куку: послѣднему прямо предписывается не принимать къ разсмотрѣнію тѣхъ биллей, которые, исходя отъ пустыхъ головъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ реформу церкви или переустройство государства²⁾ . . . Ясно, что въ

1) Parl. Hist., I, 909.

2) „Wherefore, Mr. Speaker, her Majesty's pleasure is, that if you perceive any idle heads, wich wile not stick to hazard their own estates,

такихъ предложеніяхъ королева видѣла революціонные акты, а не проявленіе законной и нормальной дѣятельности народнаго представительства, и вполне естественно, что на подобнаго рода дѣйствія ей не было никакой охоты распространять иммунитетъ.

Парламентъ, однако, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. За три вѣка существованія, положеніе общинъ, какъ мы уже видѣли, совершенно измѣнилось: изъ совѣщательнаго сословнаго установленія при монархѣ онѣ превратились въ учрежденіе законодательное, претендующее на руководительство судьбами всего государства.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы тонъ коммонеровъ становится все увѣреннѣе, а воздѣйствіе на нихъ, черезъ посредство преданныхъ коронѣ людей — все труднѣе и труднѣе¹⁾. Палата чувствуетъ себя существеннымъ факторомъ политической жизни и представительницей всей націи: спикера своего она называетъ „устаами всего королевства“²⁾. Политическія обстоятельства того времени крайне благоприятствовали такому возвышенію парламента. Какъ говоритъ Гнейстъ „для введенія реформаціи англійская королевская власть также нуждалась въ содѣйствіи парламентовъ, какъ германскіе государи — въ содѣйствіи государственныхъ чиновъ. Столѣтіе Тюдоровъ представляетъ болѣе парламентскій характеръ, чѣмъ всѣ предшествующія, такъ какъ никогда еще парламенту не приходилось рѣшать болѣе важныя дѣла, въ особенности по церковнымъ вопросамъ. Въ эту эпоху уже окончательно выработалось юридическое представленіе, что постоянную обязательную силу для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они, сословія, принимали участіе. Еще прочнѣе

which will meddle with reforming the Church and transforming the Commonwealth, and do exhibit any bills to such purpose, that you receive them not, until they be viewed and considered by those who it is fitter should consider of such things and can better judge of them“, Parl. hist., I, 862.

1) См. Redlich, op. cit., 55.

2) 5 ноября 1601 г. Robert Cecil, сдѣлавъ въ палатѣ одно предложеніе, заявилъ, что „Mr. Speaker should attend my Lord Keeper therein“. Сэръ Edward Hobby немедленно на это возразилъ, что „The speaker is the mouth of the whole realm; and that the whole state of the commonalty should attend one person, i see no reason“. Parry, op. cit., 237.

установилось то представление, что законы, разъ уже изданные при содѣйствіи трехъ сословій, могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ согласія тѣхъ же трехъ сословій. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія мѣропріятія въ области какъ церковнаго, такъ и гражданскаго управленія, были введены въ сферу парламентскаго законодательства¹⁾.

Въ своихъ стремленіяхъ общины находятъ себѣ поддержку и въ политической литературѣ²⁾. Наиболѣе выдающийся государствовѣдъ эпохи Тюдоровъ, Thomas Smith въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „De Republica Anglorum libri tres“ учитъ, что „in comitiis Parliamentariis posita est omnis augustae absolutaeque potestatis vis“³⁾. По его мнѣнію, компетенція парламента всеобъемлюща: парламентъ отмѣняетъ старые законы и издаетъ новые, регулируетъ взиманіе налоговъ, устанавливаетъ религію, порядокъ престолонаслѣдія и т. п. Словомъ, онъ имѣетъ ту же власть, которая принадлежала римскому народу въ центуриатскихъ и трибутскихъ комиціяхъ⁴⁾. И это происходитъ отъ того, что въ парламентѣ присутствуетъ всякій гражданинъ, либо лично, либо черезъ представителя⁵⁾.

Таковы были тѣ двѣ идеологіи, которыя во второй половинѣ XVI в. очутились лицомъ къ лицу. Жизнь пошла по равнодѣйствующей и сложилась изъ безконечнаго ряда уступокъ и компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ.

Центральной пружиной въ государственной машинѣ остается королевскій совѣтъ. Здѣсь принимаются рѣшенія по важнѣйшимъ вопросамъ; но для приданія имъ законной силы, они пересылаются въ парламентъ, который превращаетъ ихъ въ статуты. И корона не страшится оп-

1) Назв. соч., 545.

2) О ней см. М. Ковалевскій, назв. соч., т. II, М. 1906, стр. 82 и слѣд.

3) Lib. II, cap. II, p. 168. Ссылки относятся къ изданію 1630, Lugd. Bat.

4) „Atque, ut concludam breviter, quidquid in centuriatis comitiis aut in tribunitiis populus Romanus efficere potuisset, id omne in comitiis Anglicanis, tanquam in coetu Principem populumque repraesentante, comode transigitur“. Loc. cit., p. 170.

5) „Interesse enim in illo conventu omnes intelligimur, cujuscunque amplitudinis status aut dignitatis, Princepsve aut plebs fuerit, sive per teipsum hoc fiat, sive per procuratorem“. Ibid.

позиціи: она знает, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ она встрѣтитъ предупредительную услужливость и покорность. Какъ замѣчаетъ Вoutmy¹⁾, людская слабость содѣйствуетъ поддержанію учрежденія, и парламентъ при деспотической династіи Тюдоровъ сохраняетъ видимость всѣхъ своихъ правъ. Мало того, парламентарный механизмъ въ разсматриваемую эпоху въ значительной степени совершенствуется. Законодательная техника дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи, и область привилегій народныхъ представителей во многомъ упорядочивается²⁾. Но, въ общемъ, политическое равновѣсіе все время сохраняетъ характеръ неустойчивости. Сильно перетянуть вѣсы въ сторону абсолютизма суждено было династіи Стюартовъ, вступившихъ на престоль послѣ смерти Елизаветы.

1) Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre, Par. 1898, p. 149.

2) Ср. Redlich, op. cit., 62, n. 1.

Глава пятая.

Стюарты.

I.

Первый из Стюартовъ, Яковъ I (1603—1625), принесъ съ собою совершенно новую идеологию и не слыханную до того въ Англии теорію королевской власти. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Яковъ неуклонно проводилъ мысль, что король выше закона и потому, если и руководствуется послѣднимъ, то „никакъ не по обязанности, а для примѣра подданнымъ и по доброй волѣ“¹⁾. Вступивъ на престолъ, онъ немедленно начинаетъ борьбу съ парламентомъ, — борьбу, какъ извѣстно, окончившуюся не въ его пользу.

19 марта 1604 въ первый разъ при новомъ королѣ собрались палаты. Яковъ передъ этимъ только что издалъ прокламацію, въ которой онъ, между прочимъ, жаловался на то, что предыдущіе парламенты потратили массу времени на различнаго рода споры о привилегіяхъ, что послужило ко вреду королевства²⁾. Не успѣла, однако, открыться сессія, какъ между палатой и короной произошелъ конфликтъ какъ разъ на почвѣ нарушенія парламентскихъ правъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о повѣркѣ полномочій депутатовъ. Но вскорѣ произошло новое столкновеніе по поводу незакон-

1) Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, I. СПб. 1886, стр. 308. Политическая доктрина Якова вполне опредѣленно выражена въ его трактатѣ „The true law of free monarchies“. Ср. F. C. Montague, The history of England from the accession of James I to the Restoration, Lond. 1907, p. 3, 4.

2) Parl. Hist., I, 969.

наго задержанія члена общинъ Shirley¹⁾. Инцидентъ былъ улаженъ законодательнымъ путемъ, но палата этимъ не удовольствовалась и представила королю особую меморию подъ заглавiемъ „Apology of the House of Commons made to the King, touching their Privileges“, въ которой вопросъ о парламентскихъ привилегiяхъ былъ подробно разобранъ. Ваше Величество, говорилось между прочимъ въ меморiи, полагаете, что наши привилегiи основаны не на правѣ, а на милости, и что онѣ ежегодно возобновляются путемъ пожалованiя, въ отвѣтъ на ходатайство²⁾. Подобный взглядъ, однако, противорѣчитъ издавна установившейся традиции. Свою точку зрѣнiя авторы меморiи формулировали въ шести пунктахъ, изъ которыхъ для насъ имѣютъ значенiе слѣдующiе. Во первыхъ, говорили общины, наши привилегiи и вольности составляютъ наше унаслѣдованное право, также какъ наши земли и наше имущество³⁾; во вторыхъ, онѣ не могутъ быть отняты или уменьшены безъ нанесенiя ущерба всему королевству; въ третьихъ, ходатайство спикера при открытiи парламента есть лишь формальность, а не титулъ, на коемъ зиждется прерогативы народнаго представительства⁴⁾.

Такимъ образомъ по вопросу о привилегiяхъ парламентомъ сразу занята была твердая позицiя. Вплоть до 1614 г. между нимъ и короной столкновений на этой почвѣ не воз-

1) Shirley былъ заключенъ въ тюрьму по судебному приговору до созыва парламента. Общины потребовали черезъ своего пристава освобожденiя заключеннаго, но тюремщикъ въ этомъ отказалъ. Палата, усмотрѣвъ въ его дѣйствiяхъ contempt of court, посадила его въ Тоузъ. Въ концѣ концовъ тюремщикъ согласился выпустить Shirley и самъ тогда получилъ свободу. May, op. cit., I, 113.

2) „That we held no privileges of right, but of grace only, renewed every parliament by way of donature upon petition“.

3) „Our privileges and liberties are our right and due inheritance, no less than our very lands and goods“.

4) Ibid., 1030—1048. Относительно свободы рѣчи меморiя выставила слѣдующiя требованiя: ... in Parl. they may speak freely their consciences without check and controulment, doing the same with due reverence to the sovereign court of Parl. that is to your maj. and both the houses, who all in their case make but one politick body, weherof your highness is the head“. Неизвѣстно, впрочемъ, была ли меморiя вручена королю, см. Hallam, op. cit., I, 308.

никаеть. Собравшійся же въ этомъ году парламентъ былъ настроенъ крайне оппозиціонно. Но большинство его членовъ были люди неопытные и малосвѣдущіе въ государственныхъ дѣлахъ, которые сразу дали себя втянуть въ конфликтъ съ верхней палатой. Король воспользовался этимъ для роспуска парламента, причемъ четверо изъ наиболѣе видныхъ вождей оппозиціи были арестованы и посажены въ тюрьму. Въ теченіи 7 слѣдующихъ лѣтъ парламентъ не созывался, и Яковъ рѣшилъ вовсе безъ него обходиться. Однако, подъ давленіемъ обстоятельствъ и, въ особенности, усложнившихся международныхъ отношеній¹⁾, король вынужденъ былъ въ 1621 г. вновь собрать палаты. Парламентъ сразу вступилъ въ борьбу съ королемъ. Прежде всего, цѣлый рядъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Францискъ Бэконъ, былъ преданъ суду; затѣмъ, парламентъ сталъ требовать объявленія войны Испаніи и, наконецъ, выработалъ петицію, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы наслѣдникъ престола непременно вступилъ въ бракъ съ протестанткой. Король, однако, успѣлъ достать копию этой петиціи до официальнаго представленія ея. Онъ немедленно послѣ этого послалъ въ палату формальное запрещеніе заниматься дѣлами, составляющими государственную тайну и, въ частности, касаться предполагаемаго брака его сына съ испанской принцессой. Въ заключеніе Яковъ сослался на свое право наказывать членовъ палаты какъ во время, такъ и послѣ сессіи и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, этимъ правомъ воспользоваться²⁾. Обсудивъ это посланіе, палата отвѣтила въ чрезвычайно сдержанномъ тонѣ. Прежде всего, она просила короля не обращать вниманія на частныя сообщенія, но считаться только съ официальными результатами ея совѣщаній. Затѣмъ, переходя къ существу дѣла, она, въ общемъ, повторила содержаніе своего прежняго ходатайства; въ оправданіе его общины указали на свою привилегію свободы слова, которая „составляетъ ихъ древнее

1) Общественное мнѣніе настойчиво требовало вмѣшательства въ борьбу, происходившую въ то время на континентѣ между католическими и протестанскими державами. Въ концѣ 20-го года положеніе послѣднихъ было весьма критическое. Оказать имъ помощь, однако, Яковъ не рѣшался безъ согласія народнаго представительства.

2) Parl. Hist., I, 1331.

и несомнѣнное право, полученное ими какъ бы въ наслѣдство отъ ихъ предшественниковъ¹⁾.

Въ отвѣтъ, отъ короля послѣдовало длинное иронически-дерзкое посланіе, въ которомъ указывалось на то, что привилегіи парламента основаны исключительно на милости и соизволеніи предковъ Якова²⁾. И теперь, говорилъ король, эти привилегіи будутъ гарантированы, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы палаты не касались прерогативы; въ противномъ случаѣ, онѣ будутъ уничтожены.

Общины не сочли возможнымъ оставить королевское посланіе безъ протеста. 18 декабря сдѣлано было Якову особое представленіе, въ которомъ совершенно категорически выставлено было требованіе обезпеченія свободы рѣчи въ качествѣ древняго и неоспоримаго права народнаго представительства³⁾.

Король до крайности разгнѣвался и, явившись въ палату, собственноручно вырвалъ изъ ея протоколовъ листы, содержавшіе протестъ. Послѣ этого онъ немедленно распустилъ парламентъ⁴⁾ и лидеровъ оппозиціи отправилъ въ

1) „... our ancient and undoubted right, and as inheritance received from our ancestors“. Ibid., 1335.

2) „... their privileges were derived from the grace and permission of his ancestors“. Ibid., 1344.

3) Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ этого протеста: „That the libertees, franchises, privileges, and jurisdictions of Parliament are the ancient and undoubted birthright and inheritance of the subjects of England: And that in the handling and proceeding of those businesses, every member of the House of Parliament hath, and of right ought to have freedom of speech to propound, treat, reason, and bring to conclusion, the same: And that the Commons in Parliament have like liberty and freedom to treat of these matters, in such order as in their judgment shall seem fittest: And that every member of the said House hathlike freedom all impeachment, imprisonment and molestation (others than by the censure of the House itself), for or concerning any speaking, reasoning, or declaring any matter or matters, touching the Parliament, or Parliament business“. *Taswell-Langmead*, op. cit. 535. Послѣдній абзацъ весьма характеренъ; онъ лишній разъ показываетъ, что парламентъ отнюдь не отождествляетъ свободы рѣчи съ безнаказанностью; палата требуетъ лишь, чтобы за ней признавалась исключительная юрисдикція надъ всѣми проступками ея членовъ, совершенными при исполненіи ими своихъ обязанностей.

4) Крайне грубый приказъ о роспускѣ см. *Parl. Hist.*, I, 1326—1371.

Тоуэръ. Какъ замѣчаетъ Hallam¹⁾, достойно вниманія то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ верхняя палата присоединилась къ коммонерамъ, и одинъ изъ лордовъ (графъ Оксфордскій) даже поплатился тюрьмой за свои антиправительственныя рѣчи.

Въ послѣдній разъ парламентъ при Яковѣ I созванъ былъ въ 1624 г. Рѣчь, съ которой король обратился къ общинамъ при открытіи сессіи, была, въ общемъ, любезна и мѣстами носила даже заискивающій характеръ. По вопросу о привилегіяхъ Яковъ высказался въ самомъ миролюбивомъ и дружелюбномъ тонѣ²⁾: онъ ясно сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что необходимо пойти на уступки. Но было уже поздно. Въ мартѣ слѣдующаго же года Яковъ скончался, успѣвъ увидѣть крушеніе всѣхъ своихъ плановъ. Какъ говоритъ Гринъ³⁾, „онъ боролся съ парламентомъ, и парламентъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. . . . Онъ спорилъ съ палатами и оскорблялъ ихъ такъ, какъ не оскорблялъ ихъ ни одинъ государь Англіи; и постепенно тотъ авторитетъ, которымъ онъ такъ хвастался, переходилъ къ оскорбляемому имъ парламенту“. Въ области привилегій, парламентъ, усматривая въ свободѣ слова палладіумъ своего авторитета, упорно отстаиваетъ то, что онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ и исконнымъ правомъ. Фактически, палаты пользуются такой свободой преній, которая иностранцевъ приводитъ въ изумленіе: нигдѣ въ то время, въ сословныхъ сеймахъ, не позволяли себѣ выразаться столь несдержанно о дѣйствіяхъ правительства, какъ въ парламентахъ Якова I⁴⁾.

II.

По вступленіи на престоль, Карлъ I (1625—1649) задался цѣлью уничтожить тѣ изъ правъ парламента, которыя

1) Op. cit., I, 368, 369.

2) „For matters of Privileges, Liberties and Customs, be not over curious; J am your own kindly King. Ye never shall find me curious in these things: therefore do what you ought, and no more than your lawful Liberties and Privileges will permit, an ye shall never see me curious to the contrary. J had rather maintain your Liberties than alter them in any thing“. Parl. Hist., I, 1375.

3) Назв. соч., III, 99.

4) См. Ranke, Englische Geschichte, 3 Auf., B. II, S. 78.

служили ему препятствіемъ для установленія личнаго управленія. Сюда относились, главнымъ образомъ, финансовыя полномочія общинъ, контроль ихъ надъ государственнымъ управленіемъ и право предавать министровъ суду.

Распустивъ съ 1625 по 1629 г. три парламента, Карль рѣшилъ въ дальнѣйшемъ обходиться безъ народнаго представительства. За этотъ короткій промежутокъ времени успѣли произойти два конфликта на почвѣ нарушенія коронной свободы слова палаты. Первый имѣлъ мѣсто въ 1626 г. Два коммонера — John Eliot и Dudley Diges — выступили съ обвиненіемъ королевскаго любимца Buckingham'a въ подкупности и неспособности къ управленію. Палата постановила предать фаворита суду лордовъ (impeachment). Тогда Карль призвалъ къ себѣ Eliot'a и Diges'a и отправилъ ихъ въ Тоуэръ. Общины, однако, узнавъ объ этомъ, отказались продолжать свои занятія до тѣхъ поръ, пока узники не будутъ освобождены; лорды ихъ поддержали, и королю пришлось уступить¹⁾. Но парламентъ былъ немедленно послѣ того распущенъ.

Второй инцидентъ имѣлъ мѣсто въ 1627 г. Королю только что была представлена „Петиція о Правахъ“, на которую онъ отвѣтилъ уклончиво.

Въ засѣданіи нижней палаты 5 іюня Eliot предложилъ представить Карлю ремонстрацію, причемъ указалъ на необходимость отставки Buckingham'a. Не успѣлъ онъ кончить свою рѣчь, какъ спикеромъ доложено было посланіе короля, заключавшее въ себѣ формальное запрещеніе палатѣ приняться за разсмотрѣніе какихъ-либо новыхъ дѣлъ, могущихъ затянуть сессію или вызвать „any scandal or aspersion“ относительно государства, правительства или министровъ²⁾.

Это заявленіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на палату. Гринъ, со словъ одного современника, слѣдующимъ образомъ описываетъ дальнѣйшій ходъ засѣданія: „Тогда началось такое зрѣлище, какого никогда не видано было въ подобномъ собраніи: нѣкоторые плакали, другіе кричали, третьи предсказывали роковое паденіе нашего королевства; нѣкоторые же каялись въ своихъ грѣхахъ и грѣхахъ страны,

1) Parl. Hist., II, 119—122; Гринъ, назв. соч., III, стр. 115 и слѣд.

2) Parl. Hist., II, 401.

за которые на нихъ ниспослано такое наказаніе, другіе же нападали на тѣхъ, кто плакалъ. Больше ста человекъ плакало и многіе, которые хотѣли говорить, не могли проговорить ни слова, задыхаясь отъ слезъ. Самъ Пимъ (Рум) всталъ было, но немедленно же опустился на свое мѣсто, задыхаясь отъ рыданій. Наконецъ, сэръ Эдуардъ Кукъ (Соке) заговорилъ, обвиняя себя за боязливые совѣты, которые остановили Эліота въ началѣ сессіи и объявилъ, что причина и источникъ всѣхъ этихъ страданій никто иной, какъ герцогъ Букингамъ. Криками согласія палата привѣтствовала рѣшеніе упомянуть о герцогѣ въ своей ремонстраціи. Но король въ это время уступилъ¹⁾.

Въ 1629 году палаты вновь собрались. Не успѣла сессія начаться, какъ опять произошло столкновеніе. Король, несмотря на категорическое постановленіе „Петиціи о Правахъ“, продолжалъ самовольно собирать пошлины „tonnage and roundage“, конфискуя имущества тѣхъ, которые отказывались платить эти незаконные поборы. 2 марта, когда въ нижней палатѣ зашла рѣчь о протестѣ противъ подобныхъ дѣйствій короны, спикеръ внезапно заявилъ, что онъ получилъ приказаніе отложить засѣданіе. Собраніе, однако, заставило его замолчать, распорядилось закрыть двери и, несмотря на протестъ предсѣдателя, приняло рядъ резолюцій, рѣзко осуждавшихъ дѣйствія правительства. Последнее рѣшило тогда прибѣгнуть къ роспуску палаты, и 10 марта появился соответственный приказъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ рѣшилъ отомстить вождямъ оппозиціи. Незадолго до роспуска парламента девять коммонеровъ, а именно Denzil Hollis, Miles Hobart, John Eliot, Peter Hayman, John Selden, W. Coriton, Walter Long, W. Stroud и Benj. Valentine были вызваны въ Тайный Совѣтъ, гдѣ ихъ подвергли допросу. Двое изъ нихъ принесли повинную, остальные же отказались дать какіе бы то ни было отвѣты, за что и были отправлены въ тюрьму. Однако, въ виду только что состоявшагося принятія „Петиціи о Правахъ“ Карлу было неудобно прибѣгать къ явно-произвольнымъ арестамъ. Чтобы такъ или иначе оформить дѣло, онъ рѣшилъ истребовать заключеніе суда.

1) Назв. соч., III, 112, 113.

Генеральный атторней, прежде всего, обратился къ обоимъ „chief-justice“ и „chief-baron“; въ своемъ посланіи къ нимъ онъ указалъ на то, что обвиняемые, незадолго до отсрочки засѣданія, составили заговоръ противъ Тайнаго Совѣта, и что, поэтому, резолюція, вотированная послѣ получения приказа объ отсрочкѣ, была незаконна, какъ принятая сборищемъ частныхъ лицъ, непользующихся никакими особыми привилегіями.

На предложенные вопросы судьи отвѣтили уклончиво, явно не желая себя компрометировать. Тогда король рѣшилъ созвать двѣнадцать высшихъ судей королевства и передать дѣло на ихъ разсмотрѣніе. 25 апрѣля судьи собрались, и имъ заданъ былъ предварительный вопросъ о силѣ и значеніи акта изданнаго при Генрихѣ VIII по дѣлу Strode (см. выше). Судьи не затруднились признать, что актъ этотъ имѣлъ лишь частное значеніе и касался только Strode. Затѣмъ, судьямъ задано было еще шесть вопросовъ, отвѣтъ на которые послѣдовалъ черезъ нѣсколько дней.

Между тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, заключенные потребовали отъ суда королевской скамьи выдачи приказа habeas corpus. Когда приказъ былъ данъ, повѣренный Eliot'a и его друзья потребовали освобожденія ихъ на поруки. Судьи не рѣшились сдѣлать это сами и обратились къ королю за указаніями. Послѣ долгихъ размышленій и всевозможныхъ проволочекъ Карлъ предложилъ выпустить заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы они обязались „вести себя хорошо“ (good behaviour) — другими словами не агитировать противъ правительства. Eliot и его сообщники категорически отказались исполнить это унижительное требованіе. Въ февралѣ 1630 г. состоялось рѣшеніе суда. Обвиняемые были присуждены къ денежному штрафу и къ заключенію въ тюрьму впредь до представленія ими обязательства хорошаго поведенія. Eliot такъ и умеръ въ Тоуэрѣ черезъ два года; Selden былъ освобожденъ въ 1633 г., а Valentine и Stroud просидѣли въ заключеніи до 1640 г. — года созыва т. наз. „короткаго парламента“¹⁾.

1) О дѣлѣ Eliot см. Parl. His., II, 504—524; Hallam, op. cit., II, 2—6, Gardiner, History of England from the accession of James I to the

Юридическая сторона дѣла, нужно сказать, была чрезвычайно сложна. Къ Эліоту и его товарищамъ предъявлено было, какъ мы сказали выше, обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и весь споръ вертѣлся вокругъ вопроса о томъ, кто являлся компетентнымъ судьей для разсмотрѣнія этого обвиненія.

По мнѣнію правительства, обвиняемые были подсудны общимъ судамъ. Эліотъ и др., напротивъ того, отвергали ихъ компетенцію, ссылаясь на то, что парламентъ представляетъ изъ себя высшую судебную инстанцію, единственно призванную судить своихъ членовъ. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что инкриминируемая дѣянія имѣли мѣсто послѣ послѣдовавшаго со стороны короля приказа объ отсрочкѣ засѣданій палаты. Судьямъ была задана, такимъ образомъ, весьма нелегкая задача: въ дѣлѣ было, несомнѣнно, цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ. Намъ нѣтъ возможности войти въ оцѣнку всѣхъ аргументовъ, которые выставлены были съ той и другой стороны. Но мы должны отмѣтить, что вопросъ подвергся весьма тщательному разсмотрѣнію и что всѣ судьи сошлись въ признаніи именно общихъ судовъ компетентными по данному дѣлу¹⁾.

outbreak of the civil war, v. VII, Lond., 1891, p. 87—122; Montague, op. cit., p. 162—163; Дерюжинскій, Habeas Corpus и его приостановка по англійскому праву, Юр. 1895, стр. 58—62.

1) Для примѣра приведемъ важнѣйшія мѣста изъ высказаннаго судьей Jones мнѣнія (Parl. Hist., II, 520, 521). J. различаетъ три вопроса: 1) Whether the matters informed be true or false; and this ought to be determined by jury or demurrer. 2) When the matters of the information are found or confessed to be true, if the information be good in substance? 3) Admit that the offences are by truly charged, if the court hath power to punish them? По мнѣнію J. дѣло безусловно подсудно суду. При этомъ онъ опять различаетъ три возможности: 1) If the matter be voted in parliament when it is finished, whether it can be punished and examined in another court? 2) If the matter be commenced in parliament, and that ended, if afterwards it may be questioned in another court? J question not these matters, but J hold, that an offence committed, criminally, in Parliament, may be questioned elsewhere, as in this court; and for these reasons. 1. quia interest reipublicae, ut maleficia non maneant impunita; and there ought to be a fresh punishment of them. Parliaments are called at the Kings pleasure, and the King is not compellable to call his parliament; and if, before the next parliament, the party offending, or the witnesses, die, then there will be a failure of justice. 2. The parl. is no

Начиная съ 1629 г., Карлъ въ теченіи 10 лѣтъ управлялъ Англійей самолично. Въ 1640 году, однако, обстоятельства заставили его вновь обратиться къ народнымъ представителямъ. 5 ноября открылъ свои засѣданія т. наз. „длинный парламентъ“, а 7-го Пима произнесъ пространную рѣчь, въ которой онъ смѣлыми штрихами изобразилъ картину правительственныхъ злоупотребленій. Прежде всего онъ указалъ на то, что привилегіи во время предыдущихъ парламентовъ жестокимъ образомъ нарушались: свобода слова депутатовъ стѣснялась; спикеру запрещалось предлагать тѣ или другіе вопросы на обсужденіе; члены палаты подвергались аресту за сказанное на засѣданіяхъ; дѣла противъ нихъ возбуждались въ судахъ нисшей инстанціи; отъ нихъ требовали „хорошаго поведенія“, и ихъ держали въ тюрьмѣ вплоть до самой смерти¹⁾.

Въ этихъ словахъ вождя оппозиціи заключался категорическій протестъ противъ дѣйствій правительства въ дѣлѣ Эліота и его товарищей.

Его заявленію, однако, не было дано дальнѣйшаго хода, такъ какъ палатѣ пришлось заняться болѣе животрепещущимъ дѣломъ, а именно вопросомъ о преданіи суду знаменитаго Strafford'a. Но слова Пима попали на благодатную почву: въ 1641 г., по инициативѣ Hollis'a, который вновь попалъ въ депутаты, вопросъ о законности арестованія Эліота былъ вторично поднятъ, причемъ палата признала, что все производство по дѣлу представляло изъ себя сплош-

constant court.... 3. The parl. cannot send process to make the offenders to appear at the next parl. Самое рѣшеніе суда однако, мотивировано довольно слабо. Оно начинается съ констатированія факта совершенія подсудимыми преступленія (заговора). Далѣе, оно напоминаетъ, что всѣ судьи Англии, за исключеніемъ одного, признали статутъ 1512 г. частнымъ актомъ: члены парламента, по мнѣнію суда, не имѣютъ привилегіи „to speak at their pleasure“, напротивъ того, парламентъ есть высшій судъ, — „therefore it ought not to be disorderly, but ought to give good exemple to other courts“. Какъ видно, главный пунктъ былъ обойденъ молчаніемъ, и судъ не рѣшилъ категорически разрѣшить вопросъ о законности или незаконности засѣданій парламента послѣ приказа объ отсрочкѣ. Онъ предпочелъ сослаться на то, что свобода слова не неограничена, не указавъ, однако, гдѣ, въ точности, эта свобода кончается.

1) Parl. Hist., II, 640.

ное нарушение парламентских привилегий, а судей, участвовавших въ немъ, предала суду лордовъ¹⁾.

Послѣ казни Страффорда разрывъ между королемъ и палатой сдѣлался неизбежнымъ. Опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Карла, парламентъ вотировалъ билль, согласно которому онъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія. Немедленно послѣ утверждения этого закона королемъ, палаты приступили къ цѣлому ряду радикальныхъ реформъ: упразднена была Звѣздная Палата, уничтожены были различнаго рода исключительные суды и т. п. Король, однако, ждалъ только удобнаго случая для нанесенія парламенту рѣшительнаго удара. Въ январѣ 1642 г. онъ сдѣлалъ неудачную попытку арестовать пять изъ наиболѣе видныхъ лидеров оппозиціи²⁾. Это послужило сигналомъ къ гражданской войнѣ, окончившейся казнью короля и провозглашеніемъ республики (16 мая 1649 г.).

III.

Во время великой гражданской войны неожиданно всплываетъ политическое ученіе, навѣянное реформаціей, но стоящее въ полномъ противорѣчій съ историческими основами англійскаго строя. Это — теорія народнаго суверенитета, провозглашенная лѣвыми протестантскими сектами, объединяемыми подъ общимъ названіемъ „левеллеровъ“.

„Всякая власть изначально и по существу имѣетъ источникомъ своимъ народъ: его свободный выборъ и согласіе, выраженное черезъ представителей, единственное основаніе всякаго справедливаго правительства“³⁾, такъ учили левеллеры, начавшіе вскорѣ играть главную роль въ арміи Кромвеля. Изъ этого основнаго принципа выводилась цѣлая политическая программа, нашедшая себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ составленномъ John Lilburn'омъ и его друзь-

1) Ibid., 869, 876.

2) См. John Forster, Arrest of the five members by Charles the first, Lond. 1860.

3) См. The Case of the Army truly stated. — манифестъ, опубликованный левеллерами 9 октября 1647 отъ имени пяти полковъ и содержавшій въ себѣ ихъ политическую программу. Gardiner, History of the great civil war, new. ed., Lond. 1893, III, 379.

ями политическомъ памфлетѣ подъ заглавіемъ „The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted“ (1653). Англичане, читаемъ мы въ этомъ памфлетѣ, народъ свободный и потому сами въ себѣ содержатъ источникъ власти. Соглашеніе и избраніе — единственные источники всѣхъ признаваемыхъ страной какъ высшихъ, такъ и низшихъ правителей. Полнота законодательной и исполнительной власти принадлежитъ націи, завѣдующей собственными дѣлами чрезъ посредство избранныхъ ею парламентовъ, или общихъ совѣтовъ, и судящей всѣ возникающіе въ жизни споры черезъ посредство избранныхъ ею же самой судей — присяжныхъ. Въ 28 положеніяхъ „fundamental lawes“ даютъ затѣмъ настоящій проектъ радикальной конституціи¹⁾.

Такова была идеологія арміи, руководившей во время междоусобія судьбами Англии. Она легла въ основу тѣхъ попытокъ писанныхъ конституцій, которыя извѣстны подъ названіемъ „Heads of the proposals“ (1646—47) и „Agreement of the people“ (1648)²⁾.

Намъ нѣтъ возможности разсмотрѣть здѣсь содержаніе этихъ актовъ. Для насъ важно лишь то, что ни одинъ изъ нихъ на вопросъ о привилегіяхъ парламента не останавливается вовсе³⁾. Это объясняется тѣмъ, что главной заботой авторовъ проектовъ было обезпечить права народа; поставленіе же представителей націи въ какое-либо особое привилегированное положеніе не гармонировало съ постулатомъ всеобщаго равенства и съ общей нивелирующей тенденціей реформаторовъ⁴⁾. Власть должна была сосредоточиваться

1) М. М. Ковалевскій, назв. соч., III, стр. 342 и слѣд.

2) Agr. of the p. имѣлъ четыре редакціи. Объ этихъ попыткахъ см. изслѣдованіе Rothschild'a, Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der englischen Revolution, Lpz. 1903.

3) Одни только „Heads of the proposals“, ст. I п. 9, требуютъ, чтобы члены парламента подлежали исключительно уголовной юрисдикціи палатъ.

4) Cp. Rothschild, op. cit., 97: „Wir hatten schon bei den Heads of the Proposals darauf hingewiesen, dass das Verlangen die Freiheiten und Rechte des Parlamentes zu wahren, wie es zu Beginn des Krieges geherrscht hatte, längst einer weiter gehenden Forderung gewichen war, die Rechte und Freiheiten des Volkes zu sichern“ (рѣчь идетъ объ Agreement). Въ этомъ отношеніи левеллеровъ къ привилегіямъ народныхъ представителей нельзя не видѣть подтвержденія высказанной мной въ другомъ

въ народѣ, палата (или палаты) являлась лишь исполнительницей его воли.

Послѣ крушенія монархіи, во главѣ управленія сталъ Кромвель, съ титуломъ Лорда-Протектора. Его политическое міровоззрѣніе, въ общемъ, было довольно далеко отъ демократическаго радикализма левеллеровъ. Онъ склонялся къ смѣшанной формѣ правленія, построенной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей¹⁾ и чуждъ былъ тѣхъ крайностей, къ которымъ приводило ученіе Лильборна и его послѣдователей. Но въ одномъ онъ съ ними сходилъ; это въ отрицаніи традиціоннаго ученія о всемогуществѣ парламента. „Въ своихъ рѣчахъ, замѣчаетъ М. М. Ковалевскій²⁾, онъ высказывается по этому вопросу въ томъ же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общезитіи, полагаетъ онъ, надо устанавливать различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣнными устоями общества и порядками, по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstancials)“. Къ основамъ относятся: свобода совѣсти, принципъ краткосрочности и періодичности парламентовъ, раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой и т. п. Всѣ основы неприкосновенны для парламента: его дѣятельность можетъ распространяться только на случайности общезитія.

При такихъ условіяхъ, понятно, что Протекторъ не склоненъ былъ особенно преклоняться передъ исконными привилегіями народныхъ представителей. Какъ говоритъ Гнейстъ, наскучивъ парламентскими преніями и поста-

мѣтъ мысли, что изъ теоріи народнаго суверенитета совершенно невозможно вывести необходимость иммунитета, см. мой этюдъ: Безответственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи, Юрьевъ 1910, стр. 4, 77 и слѣд.

1) О воззрѣніяхъ Кромвеля см. М. М. Ковалевскій, *op. cit.*, III, стр. 294 и слѣд.

2) *Loc. cit.*, 300.

3) См. рѣчь, произнесенную передъ парламентомъ 12 сентября 1654 г., въ которой Кромвель совершенно опредѣленно формулировалъ свое ученіе объ основныхъ началахъ общезитія, *Parl. hist.*, III, 1445 fol. Ср. Ranke, *op. cit.*, IV, 125.

новлениями большинства, изъ которыхъ не выходило ни положительной правительственной системы, ни положительной оппозиціи, Кромвель распускалъ свои парламенты одинъ за другимъ, напутствуя ихъ бранными рѣчами на прощанье¹⁾. Въ выработанномъ, по его инициативѣ, офицерами арміи „Instrument of government“ (1653) — единственной писаной конституціи, когда либо дѣйствовавшей въ Англіи — о привилегіяхъ членовъ парламента ни словомъ не упоминается²⁾.

IV.

Политическая жизнь вновь вступила въ нормальное русло послѣ реставраціи Стюартовъ и воцаренія Карла II (1660—1685). Возстановленный въ своихъ правахъ, парламентъ уже въ 1667 г. возбуждаетъ вопросъ о свободѣ слова: въ октябрѣ этого года имъ образуется особая коммисія для разсмотрѣнія дѣла Эліота и его товарищей. 12 ноября коммисіей представленъ былъ общинамъ докладъ, на основаніи котораго палатой вынесена была резолюція, признавшая, что статутъ изданный въ 1512 г. по дѣлу Strode имѣлъ общій характеръ и потому распространяется на всѣхъ членовъ обѣихъ палатъ во всѣхъ парламентахъ для и по поводу всѣхъ внесенныхъ биллей, произнесенныхъ рѣчей, высказанныхъ мнѣній и т. п. Общины при этомъ постановили, что статутъ 1512 г. не создалъ новаго права, а имѣлъ лишь характеръ подтвержденія древнихъ и необходимыхъ правъ и привилегій парламента³⁾. Въ виду приведенной резолюціи, рѣшеніе суда по дѣлу Эліота было отмѣнено палатой лордовъ на основаніи writ of error, причемъ въ качествѣ мотива для кассаціи было, между

1) Назв. соч., 670.

2) Текстъ см. Parl. Hist., III, 1417—1426. Ср. Rothschild, op. cit., 141 ff.

3) „The Act 4 Hen. VIII intituled „An Act concerning Richard Strode“ is a general law extending to indemnity all and every the members of both Houses of Parliament in all Parliaments, for and touching any bills, speaking, reasoning or declaring of any matter or matters in and concerning the Parliament, to be communed or treated of; and is a declaratory law of the ancient and necessary rights and privileges of Parliament“. Parry, op. cit., 555. Лорды присоединились къ этой резолюціи 11 декабря.

прочимъ, приведено то обстоятельство, что сказанное въ парламентѣ подсудно лишь ему, тогда какъ, въ данномъ случаѣ, судомъ королевской скамьи были рассмотрѣны два дѣла: нанесеніе оскорбленія словами спикеру, съ одной стороны, и произнесеніе мятежныхъ рѣчей въ палатѣ — съ другой. Поэтому, если бы даже признать что первое дѣло было подсудно общимъ судамъ, то во всякомъ случаѣ второе могло быть рассмотрѣно только въ самомъ парламентѣ¹⁾.

Въ томъ же 1667 г., 11 декабря, вопросъ о привилегіи свободы слова подвергся обсужденію со стороны особой конференціи изъ представителей обѣихъ палатъ²⁾. Совѣщаніе категорически признало, что „никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что все то, что разъ установлено легальнымъ путемъ есть законъ; но ничто не можетъ войти въ составъ парламентскаго постановленія (акта), что не было къмъ либо предварительно предложено. Поэтому, если самое постановленіе не можетъ никому принести вреда, то не могъ этого сдѣлать и тотъ, отъ котораго исходило первоначальное предложеніе. Члены парламента должны быть также свободны, какъ сами палаты. Парламентскій актъ не можетъ быть противугосударственнымъ, равно какъ и пренія, изъ которыхъ онъ возникъ, такъ какъ прежде обнародованія онъ долженъ быть предложенъ и обнародованъ“³⁾.

Декларація эта, какъ видно, основана на чисто-раціоналистическихъ соображеніяхъ. Она исходитъ изъ предположенія о неограниченной компетенціи парламента и совершенно порываетъ съ прежнею точкой зрѣнія, согласно которой свобода слова предоставлена депутатамъ постольку, поскольку они остаются въ предѣлахъ своихъ полномочій. Безотвѣтственность при этомъ виндицируется въ качествѣ неотъемлемаго права всякаго законодательнаго учрежденія.

Со стороны правительства, сколько извѣстно, никакого протеста по поводу заявленія конференціи не послѣдовало:

1) Энсонъ, Англійскій парламентъ, пер. Захарова, СПб. 1908, стр. 147.

2) Parl. Hist. объ этой конференціи не упоминаетъ вовсе, и намъ не удалось установить, что послужило непосредственнымъ поводомъ для ея созыва.

3) Мау, *op. cit.*, I, 101.

парламентъ при Карлѣ II приобрѣлъ свое прежнее значеніе, и его законодательная власть стояла внѣ сомнѣнія¹⁾. Возгорѣвшійся же при его преемникѣ Яковѣ II (1685—1687) конфликтъ привелъ, какъ извѣстно, къ новой революціи и призванію на престолъ Оранской династіи.

1) Градовскій, назв. соч. 354: „Право парламента вотировать всѣ налоги, опредѣлять расходы, наблюдать за употребленіемъ субсидій было поставлено внѣ спора; законъ о Habeas-Corpus ограждалъ личную свободу подданныхъ; законодательная власть парламента не подвергалась сомнѣнію; учрежденія и права національной церкви были утверждены законами королевства“.

Глава шестая.

Новѣйшее время.

I.

Немедленно послѣ вступленія на англійскій престолъ Вильгельма и Маріи Оранскихъ изданъ былъ особый актъ, извѣстный подъ названіемъ „Билля о Правахъ“ (1689 г.), въ которомъ, съ одной стороны, перечислялись незаконныя дѣйствія Якова II, а съ другой устанавливался рядъ положеній, имѣвшихъ гарантировать въ будущемъ свободу англійскихъ гражданъ и парламентскія вольности.

Къ числу неправомѣрныхъ дѣйствій Якова „Билль“ относитъ, между прочимъ и то, что онъ разбиралъ въ Судѣ Королевской Скамьи дѣла и тяжбы, подлежащія исключительному вѣдѣнію парламента и примѣнялъ разныя произвольныя и незаконныя формы дѣлопроизводства (п. 8). Въ виду этого ст. 9 категорически постановляетъ, что „свобода слова, преній и производства въ парламентѣ не должна влечь за собой возбужденіе какого-либо преслѣдованія или,

1) „That the freedoms of speech and debates or proceedings in Parliament ought not to be impeached or questioned in any court or place out of parliament“. Точный переводъ этого постановленія представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Прежде всего, не совсѣмъ ясно выраженіе proceedings: имѣли ли въ виду авторы „Билля“ парламентское дѣлопроизводство въ тѣсномъ смыслѣ слова или вообще все, что происходитъ въ парламентѣ? Другими словами, покрываетъ ли привилегія всѣ дѣйствія депутатовъ, совершенныя въ парламентѣ, или только тѣ изъ нихъ, которыя ими совершаются во исполненіе лежащихъ на нихъ профессиональныхъ обязанностей. Въ нѣмецкой литературѣ „proceedings“ переводится то черезъ „Verhandlung“, то черезъ „Vorgänge“, см. Fuld, Die Immunität der Mitglieder gesetzgebender Versammlungen, въ Archiv f.

вообще, быть предметомъ сужденийъ въ иномъ судѣ или мѣстѣ, кромѣ самого парламента“.

Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ и значеніи этой статьи, а также въ постановкѣ вопроса о привилегіи свободы слова въ новѣйшее время, намъ необходимо нѣсколько остановиться на той роли, которую революція 1688 г. сыграла въ исторіи англійской государственности. Корен-

öffent. Recht, IV, 1889, S. 513, Anm. 21. Во Франціи одни, какъ напр. Chompré въ своемъ переводѣ Комментарій Блэкстона (t. I, p. 288) говорятъ о „conduite (депутатовъ) en parlement“, другіе, какъ Delpech въ переводѣ Мауя (t. I, p. 105) о „procédures“, третьи (de Franqueville, Le gouvernement et le parlement britanniques, Par. 1887, III, 346) о „actes“, четвертые (Glasson, op. cit., V, 419) о „tout se qui se fait“ и т. д. Въ русской литературѣ точно также нѣтъ единообразія. М. Ковалевскій, Общее конституціонное право, СПб. 1908, стр. 223, переводитъ „свобода всякаго вообще дѣлопроизводства“; Ѳ. Кокоскинъ, Тексты важнѣйшихъ основныхъ законовъ иностранныхъ государствъ, I, М. 1905, стр. 18, „свобода . . . актовъ“; г. Новикъ, Современныя конституціи, М. 1905, стр. 62 — „дѣйствій“; А. А. Жижиленко, О безответственности народныхъ представителей, Яр. 1909, стр. 7, „и всего происходящаго въ парламента“; А. К. фонъ-Резонъ, Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы, СПб. 1909, стр. 4, „всего того, что происходитъ въ парламента“.

Второе выраженіе ст. 9, представляющее затрудненія, есть терминъ „questioned“. Какъ вѣрно замѣчаетъ Fuld, loc. cit., здѣсь рѣчь идетъ не о процессуальномъ терминѣ, соответствующемъ нѣмецкому „Untersuchung“; выраженіе „questioned“ имѣетъ болѣе широкій смыслъ и соответствуетъ „in Frage stellen“. Французы переводятъ „questionnée“ (de Franqueville, loc. cit.), „mise en question“ (Glasson, loc. cit., Delpech — Maу, loc. cit.), „mis en doute“ (Reynaert, op. cit., I, 10). У русскихъ писателей мы встрѣчаемъ переводы: „подвергаема контролю“ (Кокоскинъ), „вызывать сомнѣніе“ (М. Ковалевскій), „подвергаема обсужденію“ (Жижиленко), „предметомъ разсмотрѣнія“ (фонъ-Резонъ), „предметомъ сужденія“ (Новикъ).

Что же касается термина impeached, то единственно правильный переводъ тотъ, который вызываетъ представленіе о приличеніи къ отвѣтственности. Передача „impeached“ посредствомъ выраженія „стѣснять“ (Кокоскинъ, Жижиленко, фонъ-Резонъ) совершенно не соответствуетъ юридическому значенію этого термина. Правильный переводъ даетъ М. Ковалевскій, loc. cit.: „. . . не можетъ подать повода къ преслѣдованію“. Въ нѣмецкой литературѣ часто встрѣчается выраженіе „behindert“, см. Fischel, op. cit., 417, также Hubrich, op. cit., 24. Гораздо точнѣе переводъ „unter Anklage gestellt“, Fuld, loc. cit., по французски „donner matière à accusation“, Blackstone-Chompré, loc. cit.

наго переворота ни въ политическихъ, ни въ социальныхъ отношеніяхъ она, сама по себѣ, не произвела. Но она, несомнѣнно, подготовила его тѣмъ, что въ значительной степени видоизмѣнила существовавшія до того времени отношенія между парламентомъ и короной.

Прежде всего, послѣ вступленія на престолъ Вильгельма III (1689—1702) отпадаетъ тотъ теократическій характеръ, который Стюарты стремились придать монархической власти. Король отнынѣ не можетъ претендовать на божественное происхожденіе своихъ полномочій: послѣднія порождены революціей и имѣютъ тотъ же источникъ, что и политическія права народа¹⁾.

Лицомъ къ лицу теперь стоятъ двѣ равноправныя и равнородныя силы: корона и парламентъ. Между ними, какъ говоритъ Hatschek, и происходитъ *judicium finium regundorum*²⁾: оба фактора политической жизни размежеваются, причемъ фактически все большее и большее вліяніе и значеніе получаетъ парламентъ или, вѣрнѣе сказать, нижняя палата, въ рукахъ которой сосредоточивается распоряженіе финансами страны³⁾. Возникшее въ прошломъ столѣтіи ученіе объ *omnipotentia parliamenti* — всемогуществѣ парламента — получаетъ совершенно иную окраску и иное политическое значеніе. Еще Edward Coke училъ, что „власть и юрисдикція парламента столь всеобъемлющи и абсолютны, что имъ не могутъ быть поставлены никакія

1) Boutmy, op. cit., 161, 162.

2) Op. cit., I, 243: „Während die Entwicklung des Parlaments bis zur Zeit Coke's nur die Lösung gebracht hat, das Parlament — der König mit eingeschlossen — ist Staatsorgan, die grosse Korporation des Landes und der höchste Gerichtshof, bringt die grosse Revolution von 1688 das *judicium finium regundorum* zwischen Parlament und Krone“.

3) Какъ говоритъ Гринъ, назв. соч., IV, 48, „съ того времени, когда право палаты облагать націю налогами было подтверждено въ Биллѣ о Правахъ и когда она рѣшила давать коронѣ деньги только на одинъ годъ, Палата Общинъ получила верховную власть въ государствѣ. Было невозможно отсрочивать постоянно ея засѣданія или въ теченіи долгаго времени противиться ея волѣ теперь, когда это оставило бы правительство безъ средствъ, когда этимъ уничтожалась бы армія и флотъ и останавливалась бы вся административная машина“. Ср. John Russel, An essay on the history of the english government and constitution, Lond. 1821, p. 161.

границы; можно, по справедливости, сказать о немъ, что *si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem, est capacissima*¹⁾“. Но этотъ всемогущій органъ, о которомъ говоритъ знаменитый юристъ, есть на самомъ дѣлѣ не парламентъ, а обѣ палаты и король, т. е. теоретическое построение, абстракція, а не жизненная, реальная сила. Парламентъ — т. е. общины и лорды, въ его время вовсе не обладали всемогуществомъ. Процессъ обособленія ихъ отъ монарха далеко еще не закончился и борьба между нимъ и короной была въ полномъ разгарѣ. Лишь въ XVIII в. центръ тяжести окончательно перемѣщается, и становится возможнымъ говорить о дѣйствительной *omnipotentia* представителей націи. Корона отказывается отъ своего права вето и тѣмъ самымъ законодательную функцію всецѣло передаетъ въ руки палатъ; парламентскій актъ 1716 г. опредѣляетъ продолжительность легислатуры семью годами, и мало по малу зарождается та система контроля народнаго представительства надъ управленіемъ, которая въ первой половинѣ XIX ст. приводитъ къ парламентаризму.

Вновь установившіяся жизненные отношенія нуждались въ новой юридической формулировкѣ и теоретическомъ освѣщеніи. Ключъ къ ихъ пониманію былъ найденъ въ ученіи о раздѣленіи властей, положенномъ наиболѣе виднымъ государствовѣдомъ XVIII в., Блэкстономъ, въ основу изложенія англійской конституціи.

Согласно воззрѣніямъ Блэкстона²⁾, законодательная власть принадлежитъ парламенту, исполнительная королю; но исполнительная власть есть вѣтвь (а branch) законодательной, и это необходимо для равновѣсія конституціи (the balance of the constitution), ибо сосредоточеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ повело бы къ тиранніи, равно какъ и полное отдѣленіе одной отъ другой: законодательная власть скоро сдѣлалась бы деспотической, такъ какъ притѣсняла бы власть исполнительную, вторгаясь въ сферу ея компетенціи. Для предупрежденія этого и установлена связь между ко-

1) 4 Inst. 36 (цит. у Blackstone).

2) Stephen's New Commentaries on the laws of England (partly founded on Blackstone), 11 ed., Lond. 1890, p. 340 fol.

ролемъ и парламентомъ, причеиъ первому предоставлено не право постановлять (power of resolving), а право отклонять (rejecting). Поэтому, по существу, полномочія палатъ неограничены. Парламентъ можетъ сдѣлать все, за исключеніемъ фактически невозможнаго¹⁾.

Ученіе Блэкстона вскорѣ стало господствующимъ²⁾ и послужило теоретическимъ оправданіемъ для домогательствъ парламента. Фактически, послѣдній забираетъ все большую и большую власть, и въ теченіи XVIII в. вся правотворческая функція переходитъ въ его руки. Существовавшее до того времени указное право короля постепенно сокращается. Такъ, Билль о Правахъ признаетъ незаконнымъ взиманіе какихъ бы то ни было сборовъ, равно какъ пріостановку законовъ безъ согласія парламента; вскорѣ отпадаетъ также и право короля издавать юридическіе указы; съ 1766 г. отъ короны уходитъ и право на т. наз. чрезвычайные указы³⁾. У парламента, такимъ образомъ, со второй половины XVIII в. нѣтъ больше конкурента въ области законодательства: все, что можетъ быть регулируемо закономъ, юридической нормой, въ его власти. Въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, всемогущъ.

II.

При подобныхъ обстоятельствахъ парламентскія привилегіи, какъ легко себѣ представить, нашли себѣ крайне благоприятную почву. XVIII в. есть періодъ ихъ расцвѣта

1) „It can, in short, do everyting that is not naturally impossible“. Ibid., 349.

2) Оно нашло себѣ горячаго сторонника въ лицѣ женева De Lolme, популяризовавшаго его въ своей извѣстной книгѣ „Constitution de l'Angleterre“. По Де-Л. (éd. Genève 1793) основа англійской конституціи, „le grand prince auquel tous les autres tiennent“ — то, что законодательная власть принадлежитъ исключительно парламенту, король же исполняетъ законы (I, 56); его участіе въ законодательствѣ чисто пассивное (II, 29). Для C u s t a n c e, Gedrängte Darstellung der englischen Staatsverfassung, übers. aus dem engl., Braunschweig 1827 (англійск. ориг. появился въ 1808 г.), S. 47, великое преимущество англійской конституціи то, что въ ней законодательная власть „мудро“ отдѣлена отъ исполнительной.

3) Этотъ вопросъ, впрочемъ, споренъ, см. H a t s c h e k, op. cit., S. 613 ff.

и вмѣстѣ съ тѣмъ — эпоха крайняго злоупотребленія парламентомъ своей властью, въ особенности своими карательными полномочіями по отношенію къ лицамъ, виновнымъ въ „breach of privilege“: малѣйшее нарушеніе правъ и привилегій народныхъ представителей наказывается палатами какъ серьезное преступленіе¹⁾. Что же касается свободы слова, то при Вильгельмѣ III какъ общины, такъ и лорды пользовались ею совершенно безпрепятственно. Протоколы засѣданій парламента свидѣтельствуютъ о томъ, что въ критикѣ дѣйствій правительства и короны депутаты заходили чрезвычайно далеко, не подвергаясь за это никакимъ послѣдствіямъ²⁾. Нѣсколько болѣе сдержанными дебаты становятся при Ганноверской династіи; палата принимаетъ строгія мѣры по отношенію къ выпадающимъ въ словесные эксцессы членамъ³⁾, а съ другой стороны, начавшее къ этому времени входить въ обычай опубликованіе протоколовъ засѣданій палатъ въ значительной степени умѣряетъ пылъ ораторовъ. Депутаты теперь чувствуютъ, что они говорятъ передъ всей націей и подлежатъ нравственной отвѣтственности передъ своими избирателями за свое поведеніе въ парламентѣ. Это обстоятельство, безспорно, содѣйствовало упорядоченію преній, побудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ораторовъ къ большей сдержанности и корректности въ своихъ выступленіяхъ.

1) Примѣры см. у Mahon, History of England (Tauchnitz's ed. Lpz. 1853), IV, 21. Ср. Hallam, op. cit., III, 279.

2) См. любопытныя донесенія посланника великаго курфюрста Bonnet у Ranke, op. cit., XI, S. 44 ff., въ особенности донесеніе отъ 20 ноября 1694: „La chambre basse commença à entrer hier en matière, de la même façon que les années dernières, c. à d. que plusieurs évaporèrent leur bile, et dirent tout ce qu'ils crurent de plus fâcheux contre le gouvernement; mais on jugea prudemment, que le meilleur estoit de ne leur rien répondre ce jour là“. Ibid. 136. Ср. замѣчанія Mascallay, Die Geschichte von England seit dem Regierungsantritte Jacobs II, übers. von Bülow, 2 Auf., Lpz. 1860, S. 288, 333 („es bestand nicht länger irgend eine Gefahr, dass der König die Mitglieder der Legislatur unterdrücken würde, und es bestand viel mehr Gefahr, dass die Mitglieder der Legislatur das Volk unterdrücken konnten“), 417; V, 151 и др.

3) Въ 1717 г., напр., нѣкій Shippers (членъ палаты общинъ) былъ заключенъ въ Тоузъ за то, что непочтительно отозвался объ особѣ короля, de Franqueville, op. cit., III, 347.

Что же касается литературы, то привилегія freedom of speech разсматривается теперь какъ нѣчто само собою разумѣющееся и не возбуждающее никакихъ сомнѣній. Блэкстонъ въ своихъ комментаріяхъ ограничивается простымъ упоминаніемъ о ней и ссылкой на 9-ю ст. Билля о Правахъ (Stephen, IV, 352). Для Де-Лольма иммунитетъ установленъ ради „sûreté“ членовъ парламента¹⁾; болѣе подробной мотивировки онъ не считаетъ нужнымъ приводить. Необходимость привилегіи, такимъ образомъ, въ разсматриваемую эпоху стала настолько очевидна, иммунитетъ настолько вошелъ въ общественное правосознаніе, что обосновывать и оправдывать его считается излишнимъ. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіи XVIII и XIX ст. нельзя привести почти ни одного случая возбужденія въ какомъ либо судѣ процесса противъ члена той или другой палаты за сказанное или сдѣланное имъ при исполненіи своихъ обязанностей²⁾. Но зато со времени упроченія при Георгѣ I (1714—1727) управленія чрезъ посредство партій, а въ особенности въ министерство Вальполя, правительство, желая во что бы то ни стало удержать за собой большинство въ палатѣ, часто производитъ давленіе на депутатовъ, состоящихъ на службѣ и не занимающихъ политическихъ должностей, подвергаетъ ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ и даже лишаетъ занимаемыхъ ими мѣстъ³⁾. Послѣдній случай имѣлъ мѣсто въ 1764 г.,

1) *Op. cit.*, I, 90; въ другомъ мѣстѣ Де-Лольмъ замѣчаетъ, что объ палаты, хотя и относятся весьма ревниво къ своей привилегіи, однако заботятся о томъ, чтобы свобода слова не приводила къ несдержаннымъ выраженіямъ по адресу короля, II, 271.

2) Энсонъ, назв. соч., 147.

3) Выходъ въ отставку лицъ, занимающихъ должности съ политическимъ характеромъ, при перемѣнѣ министерства есть явленіе само собою разумѣющееся. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Энсонъ, *loc. cit.*, „необходимымъ слѣдствіемъ правительства партій является то, что подчиненный членъ министерства долженъ отказаться отъ политической службы, если онъ вопируетъ противъ своихъ лидеровъ въ дѣлахъ, на которыя они не смотрятъ, какъ на открытый вопросъ. Не будетъ совершенно никакой несправедливости и привилегія не будетъ нарушена отставкой отъ должности одного изъ тѣхъ, кто принялъ ее на томъ основаніи, можетъ быть и не вполне опредѣленно установленномъ, но ясно понимаемомъ, что въ парламентѣ онъ будетъ дѣйствовать въ согласіи съ другими слугами короны, отвѣтственными за политику страны. Но офицеръ арміи или флота не сохраняетъ за собой свою должность только

когда по настоянію короля членъ палаты общинъ, генераль Henry Seymour Conway былъ лишенъ не только придворной должности, но и отстраненъ отъ командованія полкомъ за то, что по одному дѣлу вотировалъ противъ правительства ¹⁾. Эта мѣра вызвала энергичный протестъ со стороны палаты, и въ слѣдующемъ же году Burke внесено было предложеніе выразить довѣріе министерству за уничтоженіе опасной и неконституціонной практики удаленія офицеровъ за ихъ вотумы въ парламентъ ²⁾.

на томъ основаніи, что, разъ ему придется засѣдать въ парламентъ, онъ будетъ непременно обязанъ поддерживать королевскихъ министровъ. И лордъ-лейтенантъ графства не удерживаетъ своего положенія только при этомъ условіи“.

1) Mahon, op. cit., V, 55.

2) Энсонъ, назв. соч., 148.

Глава седьмая.

Юридическая природа привилегіи.

I.

Изложенный въ предыдущихъ главахъ процессъ развитія freedom of speech наглядно показалъ, какъ, случайно возникши въ качествѣ рефлекса непубличности засѣданій парламента, привилегія претворилась, съ теченіемъ времени, въ одинъ изъ основныхъ устоевъ государственнаго строя Англіи. Мы видѣли при этомъ, что эта эволюція явилась результатомъ установившихся отношеній между обоими руководящими факторами политической жизни — королемъ и народнымъ представительствомъ. Общины, въ теченіи ряда вѣковъ борются, строго говоря, не за свободу слова какъ таковую, а за расширеніе своей компетенціи; иммунитетъ имъ нуженъ не какъ цѣль, а какъ средство; парламенту важно, чтобы ни корона, ни администрація, ни суды не вмѣшивались въ то, что онъ считаетъ своей сферой дѣятельности. Какъ совершенно вѣрно было замѣчено уже Hattisell'emъ — выдающимся знатокомъ парламентскихъ прецедентовъ — привилегія всегда виндигировались парламентомъ ради безпрепятственнаго упражненія имъ своихъ функций, а отнюдь не въ видахъ поставленія отдѣльных его членовъ въ особое, льготное положеніе¹⁾. Между тѣмъ, начиная съ XVI в., эти функции становятся все обширнѣе и обширнѣе, и парламентъ неудержимо стремится превратиться въ законодательный аппаратъ съ неограниченной компетенціей. Изъ за компетенціи и происходитъ борьба съ

1) Цит. у Redlich, op. cit., 591, n. 1.

королевской властью, которая лишь крайне неохотно соглашается на умаление своей прерогативы и на вмѣшательство палаты въ тѣ или другія области государственнаго управленія. Здѣсь, какъ и повсюду, нападеніе совершается по линіи наименьшаго сопротивленія: къ отвѣту привлекаются отдѣльные депутаты, сдѣлавшіе тѣ или другія предложенія или произнесшіе негодныя правительству рѣчи, а не само собраніе, выслушавшее эти рѣчи или вынесшее соотвѣтственную резолюцію. Но подѣ какимъ бы предлогомъ ни принимались репрессивныя мѣры, истинная ихъ цѣль всегда одна и та же: воспрепятствовать парламенту заняться той или другой категоріей дѣлъ, такъ или иначе расширить сферу своего вліянія.

Палатами это прекрасно понималось. Начиная съ конца XV в., имъ становится совершенно яснымъ, что за вопросомъ о свободѣ слова скрывается другой, гораздо болѣе жизненный и важный, именно вопросъ объ участіи ихъ въ политической жизни страны и, въ частности, въ законодательствѣ. Чтобы свободно законодательствовать, нужно имѣть возможность свободно говорить — таковъ смыслъ приведенной нами выше резолюціи 1667 г., заключающей въ себѣ одну изъ первыхъ попытокъ теоретически обосновать иммунитетъ. И нужно сказать, что съ точки зрѣнія историческаго опыта, общины были совершенно правы: тамъ, гдѣ существуетъ нѣсколько конкурирующихъ органовъ, взаимное вмѣшательство въ сферу дѣятельности неизбежно. Въ данномъ же случаѣ рѣчь шла какъ разъ о сосредоточеніи одной функціи — законодательной — въ рукахъ одного органа — парламента. Но для упражненія этой функціи палаты обладали лишь однимъ средствомъ: словомъ¹⁾. Борясь за свои права, они весьма скоро пришли къ убѣжде-

1) По справедливому замѣчанію Redlich'a, „Regierung eines Staates durch ein Parlament — wie immer die staatsrechtliche und politische Machtbefugnis des letzteren beschaffen sein mag — ist diejenige Art der Regierung, die sich des Mittels der Rede als Motors und als wesentlicher Form ihrer Tatigkeit bedient. Parliamentary Government is Government by talking: do druckt dies kurz und bundig ein englischer Politiker aus...“ „Im House of Commons gilt das Prinzip: Nichts ist im Besitze des Hauses, was ihm nicht durch mundliche Bekanntmachung, durch Rede mitgeteilt worden ist“. Op. cit., 587,588.

ню, что всякое ограниченіе въ употребленіи этого средства грозитъ самому ихъ существованію. Точно также для короны опасностью угрожали не словесные эксцессы во время преній, а самый фактъ обсужденія парламентомъ тѣхъ или иныхъ дѣлъ, хотя бы и въ самыхъ осторожныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ. Властолюбивые правители прекрасно знали, что они дѣлали, когда посылали въ Тоуэръ оппозиціонныхъ ораторовъ: они боролись за свою власть, за свое участіе въ законодательствѣ.

Политическая побѣда парламента въ концѣ XVII ст. оказалась синонимомъ полнаго торжества иммунитета. У полновластныхъ палатъ нѣтъ болѣе соперника, законодательная функція всецѣло въ ихъ рукахъ, и онѣ абсолютные хозяева того средства, при помощи котораго творится писаное право; парламента можетъ устанавливать какія-угодно нормы, развивать свою правотворческую дѣятельность въ любомъ направленіи — онѣ этимъ не нарушаютъ ничьей компетенціи, ничьего права; его обсужденію подлежатъ любые предметы, ибо установить рамки для имѣющихъ быть созданными нормъ — невозможно. Его дѣятельность, какъ таковая, неподлежитъ контролю, за отсутствіемъ управомоченныхъ къ тому государственныхъ органовъ; по той же причинѣ безответственны во внѣ и лица, входящія въ составъ парламента.

Такова реальная подкладка привилегіи, какъ она выработалась подъ давленіемъ политическихъ отношеній. Свобода слова — результатъ противоположенія двухъ основныхъ факторовъ англійской государственной жизни и конкуренціи ихъ на почвѣ законодательной функціи. Происхожденіемъ своимъ она обязана не какому-нибудь теоретическому построенію, а насущнымъ жизненнымъ потребностямъ.

Въ англійской литературѣ это превосходно сознается. Мы выше видѣли, что уже въ XVIII в. не считали болѣе нужнымъ приводить какіе-либо доходы въ пользу необходимости иммунитета. Совершенно также обстоитъ дѣло и нынѣ. О свободѣ слова говорится какъ объ одномъ изъ устоевъ англійской конституціи, причемъ теоретическихъ соображеній, либо не приводится вовсе, либо ограничиваются бѣглымъ указаніемъ на то, что привилегія соста-

вляеть неотъемленную принадлежность всякаго законодательнаго собранія¹⁾.

Свобода парламентскихъ преній, однако, ограждаетъ депутатовъ не только отъ покушеній со стороны короны, но и отъ притязаній со стороны частныхъ лицъ. Своими рѣчами члены палатъ могутъ затронуть интересы отдѣльныхъ гражданъ и совершить рядъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ закономъ. Съ парламентской трибуны могутъ раздаваться брань, клевета и т. п. Между тѣмъ, принципъ свободы слова ведетъ къ иммунизированію и подобныхъ дѣяній. На континентѣ эта сторона вопроса представляетъ въ настоящее время наибольшій практическій интересъ, и за послѣдніе годы стали раздаваться голоса, требующіе ограниченія привилегіи именно съ этой точки зрѣнія²⁾.

Въ Англіи можно сказать, что этой стороны вопроса не существуетъ вовсе. Въ принципѣ засѣданія парламента непубличны; таковыми они были съ самаго начала, таковыми они остались и понынѣ³⁾. Такимъ образомъ, все происходящее въ парламентѣ есть *res interna*, о которой изъ постороннихъ никто не можетъ быть освѣдомленъ, по крайней мѣрѣ официально. При такихъ условіяхъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности ораторовъ со стороны заинтересованныхъ лицъ самъ собою отпадаетъ. Благодаря легальной фикціи, рѣчи членовъ палатъ презумируются извѣстными только самому парламенту. Въ этомъ отношеніи привилегія, какъ видно, сохранила свой древній, первоначальный характеръ — рефlekса непубличности засѣданій⁴⁾.

1) Такъ, напр., Medley, A student's manual of english constitutional history, 2 ed., Lond. 1898, p. 246 говоритъ, что „it (freedom of speech) is in fact a natural and necessary adjunct of any popular assembly“. May, op. cit., I, 101: „la liberté de la parole est un privilège essentiel à toute assemblée ou législature libre“. Громадное большинство авторовъ ограничивается ссылкой на историческое происхождение иммунитета.

2) См., напр., Zimmermann, Die parlamentarische Redefreiheit und der Schutz Dritter gegen den Missbrauch derselben, въ Zeitschrift f. d. ges. Staatsw., 1907, S. 392 ff.

3) См. слѣд. главу.

4) Англійскіе авторы на разсматриваемой сторонѣ вопроса не останавливаются вовсе. Едва ли не единственное исключеніе составляетъ

II.

Переходимъ къ разсмотрѣнію юридической структуры иммунитета. Сущность его заключается въ томъ, что за все сказанное ими при исполненіи своихъ обязанностей члены парламента не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности внѣ парламента ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ, ни въ дисциплинарномъ порядкѣ. Такова общая формула. Ближайшее же опредѣленіе ея содержанія представляетъ извѣстныя затрудненія, такъ какъ юридическая конструкція парламентскихъ привилегій вообще и *freedom of speech* въ частности страдаетъ и по сіе время нѣкоторою неопредѣленностью. На эту сторону дѣла уже указывалъ Блэкстонъ, который считалъ, что эта неопредѣленность какъ разъ способствуетъ достоинству и независимости обѣихъ палатъ, таъ какъ въ противномъ случаѣ исполнительной власти легко было бы обходить нормы, регулирующія привилегіи¹⁾.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что строгой и опредѣленной грани между компетенціей парламента, съ одной стороны, и судовъ — съ другой, по вопросамъ, касающимся привилегій, не проведено и по сію пору. Какъ вѣрно замѣчаетъ Редлихъ, прецеденты и судебныя рѣшенія

Maу, который указываетъ на то, что „*si un membre ne disait rien d'outrageant pour la Chambre ou la chair, ou de personnellement injurieux pour d'autres membres, ou de contraire à d'autres règlements de la Chambre, il pourrait dire tout ce qu'il pense convenable au débat, quelque offensant que cela puisse être contre les sentiments, ou injurieux pour le caractère de tels ou tels individus; et il est, par son privilège, protégé contre toute action en justice pour diffamation, aussi bien que contre toute autre question ou vexation*“. *Op. cit.*, I, 105. Судъ королевской скамьи категорически сталъ на эту точку зрѣнія въ дѣлѣ *Dillon v. Balfour*.

1) *Blackstone-Compré*, I, 287: „*Si donc tous les privilèges du parlement eussent été fixés et réglés à la fois, et à l'exclusion de tout autre privilège que ceux qui eussent été ainsi définis et déterminés, il eut été facile au pouvoir exécutif d'imaginer quelques cas nouveaux hors de la ligne de ces privilèges et de se créer ainsi un prétexte pour attaquer tout membre qui lui serait contraire, et violer la liberté du parlement. La dignité et l'indépendance des deux chambres sont donc préservées à un haut degré, en ce que leurs privilèges sont restés indéfinis*“. Противъ этой точки зрѣнія, однако, уже рѣзко протестовалъ *Christian*. Въ болѣе позднихъ изданіяхъ Комментарій приведеннаго *passus'a* больше нѣтъ.

принципиально не разграничили общего права от парламентских привилегий¹⁾. И в этом нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить историческое происхожденіе послѣднихъ, ихъ судьбу и, въ особенности, то, что онѣ постоянно регулировались обычаемъ, не кристаллизуясь въ формѣ писанаго права.

Содержаніе свободы слова, какъ мы уже сказали, сводится къ безотвѣтственности членовъ палатъ. Но эта безотвѣтственность отнюдь не тождественна съ безнаказанностью. Англійскій парламентъ никогда не требовалъ для своихъ членовъ права на совершеніе преступленій, хотя бы и словомъ. Его домогательства всегда сводились къ автономной юрисдикціи по дѣламъ этого рода. Свобода слова, такимъ образомъ, всегда означала неподсудность другимъ учрежденіямъ дѣяній, совершенныхъ лордами и коммонерами при исполненіи ими своихъ обязанностей²⁾. Это, прежде всего, непосредственно вытекаетъ изъ текста ст. 9 Билля о Правахъ, являющейся и понынѣ формальнымъ основаніемъ привилегіи. Статья прямо запрещаетъ имѣть сужденіе о словесныхъ проступкахъ депутатовъ въ иномъ мѣстѣ, кромѣ парламента, а въ той части Билля, гдѣ приводятся мотивы, заставившіе общины и лордовъ потребовать отъ претендента особое торжественное подтвержденіе ихъ правъ и вольностей, п. 8 приводитъ въ качествѣ примѣра незаконномѣрныхъ поступковъ Якова II то, что онъ „разбиралъ въ Судѣ Королевской Скамьи дѣла и тяжбы, подлежащія исключительному вѣдѣнію парламента“³⁾. Привилегія, такимъ образомъ, отождествляется съ исключительною подсудностью парламенту.

1) Op. cit., 416. Cp. Ma y, op. cit., I, 139: „il serait, par conséquent, présomptueux de déterminer la juridiction des cours ou les limites du privilège parlementaire“.

2) Въ англійской литературѣ эта конструкція привилегіи пользуется всеобщимъ признаніемъ. См. мѣткую формулировку у Lawrence Lowell, The government of England, N.-Y. 1908, I, 243: „A man cannot, therefore, be prosecuted criminally, or made civilly responsible, for anything he has said in the House; although the House itself may punish what it deems an abuse of the forms of debate“.

3) Непосредственнымъ поводомъ къ включенію этого пункта въ первую часть Билля послужило дѣло спикера палаты общинъ, сэра

На самомъ дѣлѣ, въ теченіи всей своей исторіи парламентъ ни разу не добивался безнаказанности своихъ членовъ; всѣ конфликты съ короной, какъ мы неоднократно имѣемъ случай отмѣтить, съ формальной стороны носили характеръ спора о подсудности. На налагаемыя имъ за словесные эксцессы взысканія парламентъ неизмѣнно смотрѣлъ какъ на мѣры, замѣняющія судебныя кары, придавая т. наз. *lex et consuetudo parliamenti* характеръ системы нормъ, конкурирующихъ съ общимъ правомъ страны.

III.

Карательныя мѣры, которыми располагають палаты, сводятся въ настоящее время къ слѣдующимъ¹⁾:

- 1°. Призывъ къ порядку;
- 2°. Лишеніе слова;
- 3°. Исключеніе на одно засѣданіе;
- 4°. Названіе спикеромъ провинившагося члена по имени (*naming the member*).

Эта мѣра, въ свою очередь, влечетъ за собой одно изъ слѣдующихъ послѣдствій:

- a) лишеніе виновника званія члена парламента на опредѣленный срокъ;
- b) исключеніе виновника изъ состава парламента;
- c) лишеніе виновника свободы.

Остановимся вкратцѣ на этихъ мѣрахъ понужденія. Призывъ къ порядку исходитъ отъ предсѣдателя собранія²⁾, причѣмъ возраженій со стороны прерваннаго оратора не допускается. Послѣдній долженъ дать палатѣ соотвѣт-

William'a Williams'a. Послѣдній, по распоряженію палаты, напечаталъ трактатъ подъ заглавіемъ *Dangerfield's Narrative*, въ которомъ заключались нападки противъ герцога Йоркскаго, вполнѣдствіи Якова II. Въ 1684 г. W. преданъ былъ за это Суду Королевской Скамьи, который, отвергнувъ предъявленный подсудимымъ отводъ, призналъ себя компетентнымъ и приговорилъ W. къ штрафу въ 10,000 фунговъ. Общныя, возмущенныя этимъ приговоромъ, признали его незаконнымъ и противобѣдшимъ парламентскимъ привилегіямъ. *May, op. cit., I, 147.*

1) *Redlich, op. cit., 618; Weigel, op. cit., S. 9 ff.*

2) Т. е. отъ спикера въ общемъ собраніи и отъ чермена въ комитетахъ.

ственное объяснение или взять свои слова обратно; въ противномъ случаѣ наступаютъ послѣдствія, предусмотрѣнные ст. 18 и 20 наказа палаты¹⁾. Лишение слова предсѣдателемъ собранія имѣетъ мѣсто, когда ораторъ повторно уклонялся отъ сути дѣла и нѣсколько разъ былъ останавливаемъ²⁾. Исключение члена палаты на одно засѣданіе (вѣрнѣе на оставшуюся часть даннаго засѣданія) можетъ послѣдовать за „disordely conduct“, т. е. за грубое нарушение порядка. Въ случаѣ сопротивленія со стороны провинившагося, его выводитъ изъ зала засѣданій приставъ палаты (sergeant-at-arms)³⁾. Если же депутатъ упорно не повинуется предсѣдателю или явно нарушаетъ установленный порядокъ дѣлопроизводства, то спикеръ (или чермэнъ), назвавъ этого депутата по имени, можетъ предложить палатѣ лишить его званія члена парламента⁴⁾.

Что же касается исключенія депутата изъ состава палаты, то оно обыкновенно примѣняется лишь тогда, когда депутатъ уже осужденъ былъ какою-либо судебной инстанціей за дѣяніе, несомвѣстимое со званіемъ члена парламента⁵⁾. Исходить оно не отъ спикера, а отъ самой палаты, которая постановляетъ свое рѣшеніе по ознакомленіи съ

1) Redlich, op. cit., 619; Мау, op. cit., I, 105.

2) Standing order (наказъ палаты общинъ), § 19, даетъ слѣдующія указанія: „Mr. Speaker or the chairman, after having called the attention of the house, or of the committee, to the conduct of a member who persists in irrelevance, or tedious repetition either of his own arguments, or of the arguments used by other members in debate, may direct him to discontinue his speech“. Текстъ дѣйствующаго наказа см. у Redlich'a, op. cit., Anhang, S. 808 ff., а также въ изданномъ клэркомъ палаты общинъ (sir Courtenay Herbert) Manual of procedure in the public business of the House of Commons, Lond. 1904, p. 239 fol. Ср. § 23 (мѣры на случай обструкціи).

3) Stand. Ord., § 20.

4) До 1902 г. максимальный срокъ этого наказанія былъ определенъ въ одинъ мѣсяць. П. 2 § 18 Stand. Ord. гласилъ, что „if any member be suspended under this order, his suspension on the first occasion shall continue for one week, on the second occasion for a fortnight, and on the third, or any subsequent occasion, for a month“. Резолюціей отъ 13 февраля 1902 г. былъ вычеркнутъ конецъ параграфа, начиная со слова „shall“, такъ что въ настоящее время исключеніе депутата длится до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ новое рѣшеніе палаты, см. Redlich, op. cit., 621—623.

5) См. у Мау, op. cit., I, 58, примѣрное перечисленіе этихъ дѣяній.

производствомъ суда или съ заключеніемъ особой, *ad hoc* избранной, комисіи.

Наконецъ, право каждой изъ палатъ подвергать своихъ членовъ аресту возникло, какъ мы видѣли, въ XVI ст.¹⁾ и неоднократно признавалось высшими судами королевства какъ относительно лордовъ, такъ и относительно общинъ²⁾.

Таковы тѣ взысканія, которыя могутъ быть налагаемы палатами на своихъ членовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ, несомнѣнно, дисциплинарный характеръ. Сюда относятся: лишеніе слова, призывъ къ порядку и исключеніе на одно засѣданіе. Что же касается другихъ взысканій, а въ особенности лишенія свободы, то относительно ихъ юридической природы въ литературѣ существуетъ споръ³⁾. По мнѣнію однихъ авторовъ, какъ, напр. Fuld'a и Seidler'a⁴⁾ мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ обще-уголовной репрессіей; для другихъ, какъ Hubrich⁵⁾ и Weigel⁶⁾, всѣ взысканія, налагаемыя парламентомъ, суть исключительно проявленія его дисциплинарной власти. Доводы, приводимые писателями второй категоріи сводятся къ тому, что парламентъ распространяетъ свой контроль не только на словесные эксцессы своихъ членовъ, но и вообще на поведеніе ихъ въ стѣнахъ парламента и внѣ его, привлекая къ отвѣтственности ихъ за всякаго рода предосудительные поступки, недостойные званія народнаго представителя. Поэтому карательная власть палатъ распространяется и на такія дѣянія, которыя вовсе не предусмотрѣны уголовными законами; съ другой стороны, палаты часто налагаютъ взысканія за такіе поступки, которые уже безъ того повлекли за собой для виновниковъ судебное преслѣдованіе.

1) См. выше, стр. 25.

2) *Ma y*, *op. cit.*, I, 66—70. При примѣненіи этого наказанія между положеніемъ общинъ и лордовъ имѣется существенное различіе. Нижняя палата вправе задержать виновное лицо лишь до окончанія сессіи, верхняя же можетъ назначить любой срокъ. Поэтому при пророгаціи всѣ заключенные по распоряженію общинъ *eo ipso* освобождаются. Въ случаѣ задержанія сверхъ этого срока они могутъ потребовать *habeas-corpus*.

3) *Op. cit.*, 28.

4) *Op. cit.*, 7.

5) *Loc. cit.*, 515.

6) *Op. cit.*, 34.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, намъ необходимо нѣсколько остановиться на характерѣ судебной власти, принадлежащей палатамъ. На самомъ дѣлѣ, если приведенныя соображенія вѣрны, то отпадаетъ конструкція безответственности, какъ исключительной подсудности парламенту словесныхъ правонарушеній, совершенныхъ въ его стѣнахъ. Слѣдуетъ признать тогда, что эти дѣянія ненаказуемы и что именно въ этомъ заключается существо привилегіи¹⁾.

„Лорды, въ своей палатѣ, читаемъ мы въ „Институціяхъ“ Кука, пользуются судебною властью, общины въ своей палатѣ пользуются судебною властью. Обѣ палаты, соединенныя вмѣстѣ, пользуются судебною властью“²⁾. „У парламента есть три вида власти, говоритъ сэръ В. Atkins: власть законодательная, благодаря чему онъ называется тремя сословіями государства, власть судебная, вслѣдствіе чего его называютъ magna curia или High Court of Parliament, и власть совѣщательная, давшая ему названіе commune concilium regni“³⁾.

Судебная власть, въ свою очередь, характеризуется Энсономъ слѣдующимъ образомъ. „Каждая изъ палатъ пользуется юрисдикціею по отношенію къ своимъ членамъ, а равно и къ лицамъ, не входящимъ въ ея составъ, въ случаѣ явнаго нарушенія ея приказаній. Обѣ палаты пользуются извѣстной судебной властью въ вопросахъ, затрагивающихъ ихъ внутреннее устройство или право на занятіе депутатскаго мѣста въ парламентѣ. Палата лордовъ можетъ судить своихъ собственныхъ членовъ за совершенныя ими преступленія или государственную измѣну; кромѣ того, она является высшимъ апелляціоннымъ судомъ Соединеннаго

1) Нельзя не отмѣтить, что Weigel, стоящій на точкѣ зрѣнія исключительно-дисциплинарнаго характера парламентской власти, на стр. 5 отстаиваетъ, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе, конструкцію иммунитета, какъ исключительной подсудности: „Diese Gewährleistung der Freiheit der Rede in beiden Häusern schliesst aber keineswegs in sich, dass die Parlamentsmitglieder frei von Verfolgungen aller in Ausübung des parlamentarischen Berufes erfolgenden Wortexzesse sein sollen; sie bedeutet vielmehr, dass beide Häuser ausschliesslich zuständig sind, die Gerichtsbarkeit in den eigenen Angelegenheiten auszuüben.“

2) IV, Inst. с. 1,23. Цит. у Энсона, назв. соч., 323.

3) См. Broom, Constitutional law, 2 ed., Lond. 1885, p. 841.

Королевства. Наконецъ, при совмѣстной дѣятельности палатъ, лорды могутъ разсматривать уголовныя преступленія и выносить вердикты по возбужденнымъ общинами обвиненіямъ и вотировать вмѣстѣ съ ними bill of attainder, представляемый на утверждение короля¹⁾.

Такимъ образомъ, судебная власть парламента проявляется въ тройкомъ направленіи.

I. Обѣ палаты дѣйствуютъ совмѣстно; сюда относятся случаи impeachment и bill of attainder.

II. Палата лордовъ функционируетъ въ качествѣ высшей инстанціи.

III. Каждая изъ палатъ дѣйствуетъ въ качествѣ суда первой инстанціи. При этомъ юрисдикція лордовъ и общинъ, по принадлежности, распространяется на всѣхъ вообще лицъ, виновныхъ въ breach of privilege. Верхняя палата, кромѣ того, пользуется исключительной юрисдикціей относительно своихъ членовъ по наиболее важнымъ уголовнымъ преступленіямъ (judicium parium, trial by peers)²⁾.

Для насъ, въ данной связи, имѣетъ значеніе лишь первая часть п. III. На роли палатъ, какъ судовъ первой инстанціи, мы теперь вкратцѣ и остановимся.

Понятіе „нарушенія привилегій“ опредѣляется Мауемъ слѣдующимъ образомъ. „Упорное неповиновеніе приказаніямъ, входящимъ въ его компетенцію, составляетъ оскорбленіе для всякаго суда; точно также неповиновеніе приказаніямъ и распоряженіямъ парламента, поскольку этимъ послѣднимъ упражняются его конституціонныя функціи, разсматривается какъ нарушеніе привилегій. Оскорбленія, нанесенныя палатѣ въ ея цѣломъ или одному изъ ея членовъ, равно какъ сопротивленіе суть также contempt и, согласно lex parlamentaria, нарушеніе привилегій. Было бы бесполезно пытаться перечислить всѣ дѣйствія, которыя могутъ разсматриваться, какъ нарушеніе привилегій; но нѣкоторыя

1) Назв. соч., 324.

2) Сюда относятся treason, felony и соучастіе (indivision) въ нихъ; misdemeanours же разсматриваются общими судебными инстанціями, Мау, op. cit., II, 312; Hatschek, op. cit., I, 535. О судебныхъ правахъ верхней палаты см. Gerland, Die englische Gerichtsverfassung, Lpz. 1910, S. 577 ff.

общія начала могутъ быть выведены изъ протоколовъ парламента и послужить для выясненія отправныхъ точекъ зрѣнія *lex parlamentaria*.

Нарушенія привилегій раздѣляются на: 1^о неповиновеніе общимъ распоряженіямъ той или другой палаты; 2^о неповиновеніе частному распоряженію; 3^о оскорбленіе, нанесенное парламенту, поскольку дѣло касается его достоинства вообще или его дѣлопроизводства; 4^о нападеніе на членовъ палатъ, оскорбленіе ихъ, замѣчанія относительно ихъ характера или поведенія въ парламентѣ, и препятствованіе агентамъ палатъ исполнять свои служебныя обязанности 1)⁴.

Какъ видно, понятіе *breach of privilege* отличается довольно большою неопредѣленностью и имѣетъ весьма широкое и разнообразное содержаніе. Какъ видъ *contempt of court* 2), оно обнимаетъ собою всякое неповиновеніе приказаніямъ палатъ и всякое нанесенное имъ оскорбленіе. Сюда относятся, напр., опубликованія дебатовъ палатъ (см. ниже), изданіе *libel* или пасквиля 3) на парламентъ, оскорбленія, наносимыя членамъ палатъ или служащимъ ихъ, подкупъ свидѣтелей; имѣющихъ дать показанія въ палатахъ и т. п.

Возникаетъ теперь вопросъ: каковъ характеръ юрисдикціи парламента по дѣламъ о нарушеніи привилегій?

Наказанія, могущія быть назначенными палатами своимъ

1) *Op. cit.*, I, 75.

2) *Contempt of court* — неуваженіе къ суду — по признанію всѣхъ англійскихъ писателей не поддается точному опредѣленію, см. *Encyclopedia of the laws of England*, (Wood Renton), v. III, p. 312. По опредѣленію Oswald'a, *Contempt of court, Committal and Attachment and Arrest upon Civil Process in the Supreme Court of Judicatures*, 1892, „c. of c. may be said to be constituted by any conduct that tends to bring the authority and administration of the law into disrespect or disregard, or to interfere with, or prejudices parties litigants, or then witnesses during the litigation“. Цит. у Gerland, *op. cit.*, 828, n. 2. У этого же автора см. подробный разборъ понятія *c. of c.*, S. 826 ff.

3) Подъ *libel* въ англійскомъ правѣ понимается „a slander in writing, or in print, or by pictorial or other representation“, см. Josiat W. Smith, *A manual of common law*, 10 ed., Lond. 1887, p. 34. По опредѣленію другого автора (Folkard, *Slander and libel*) „anything which implies or may be generally understood to imply, reproach, scandal or ridicule to any person is a libel“, см. Wertheim, *Wörterbuch des englischen Rechts*, Berl. 1899, s. v. „Libel“.

собственнымъ членамъ, нами были указаны выше. По отношенію же къ постороннимъ, палаты вправѣ, прежде всего, вызвать виновныхъ къ рѣшеткѣ и сдѣлать имъ черезъ спикера замѣчаніе (admonition), причемъ въ случаѣ принесенія извиненія, вызванное лицо можетъ замѣчаніе и избѣгнуть. Далѣе, идетъ выговоръ (reprimand), которому предшествуетъ взятіе обвиняемаго подъ стражу (to the custody)¹⁾.

Лишеніе свободы и составляетъ реальную санкцію всего института breach of privilege. Изъ за примѣненіе этой мѣры и возникали всѣ тѣ конфликты съ общими судебными мѣстами, которые имѣли мѣсто въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій.

Прежде всего спорнымъ было — и до извѣстной степени осталось и понынѣ — самое право парламента прибѣгать къ лишенію свободы. Нужно сказать, что мѣсто, занимаемое парламентами и, въ особенности, нижней палатой въ общей системѣ судебныхъ установленій, никогда не было съ точностью опредѣлено. Долгое время общины требовали, чтобы за ними признавалось значеніе court of record²⁾, имѣющаго право налагать наказаніе за contempt. Но это домогательство постоянно встрѣчало отпоръ со стороны общихъ судебныхъ установленій³⁾. Въ новѣйшее время парламентъ, повидимому, отказался отъ своего притязанія функционировать въ качествѣ court of record. Поэтому, теоретическое обоснованіе его карательной власти и, въ частности, права лишать гражданъ свободы представляетъ извѣстныя трудности. Новѣй-

1) „Въ прежнія времена, говоритъ Энсонъ, назв. соч., 163, Палата Общинъ налагала штрафъ за нарушеніе привилегій, но это было прекращено, за исключеніемъ уплаты извѣстной суммы (fee), какъ условія, предшествовавшаго выпуску изъ заключенія, которая имѣетъ все-таки свойство штрафа“. О прежней практикѣ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ см. de Franqueville, op. cit., III, 312, 313; May, op. cit., I, 80, 96, 97.

2) Подъ с. of r. подразумѣваются тѣ суды, производство которыхъ протоколируется „для постоянной памяти и свидѣтельства“ (for a perpetual memory and testimony) и которые могутъ налагать наказаніе за contempt. При этомъ одни изъ нихъ — т. наз. superior courts — имѣютъ неограниченную карательную власть, другіе же — inferior courts — могутъ наказывать только въ томъ случаѣ, если contempt совершено въ присутствіи суда. Gerland, op. cit., I, n., 833 ff.

3) May, op. cit., I, 97; Энсонъ, назв. соч., 165. Какъ мы выше видѣли (стр. 44, прим. 1), въ дѣлѣ Эліота суды затруднились уравнять парламентъ съ общими судами.

шія судебныя рѣшенія, признающія это право парламента, выставляють различныя основанія. Вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ извѣстное дѣло *Burdett v. Abbot*¹⁾. Членъ палаты общинъ *Francis Burdett*, противъ котораго былъ выданъ спикеромъ приказъ объ арестѣ, отказался ему подчиниться и подалъ жалобу въ Судъ Королевской Скамьи. Судъ призналъ жалобу неосновательной, причемъ судья лордъ *Ellenborough* мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что парламенту по необходимости должна быть предоставляема карательная власть, такъ какъ безъ нея онъ былъ бы безсиленъ и потерялъ бы свое высокое значеніе. Юридическимъ же титуломъ права палатъ *Ellenborough* призналъ давность²⁾.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, однако, возникали болѣе или менѣе острые конфликты между судами и палатами. Наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуются дѣла *Stockdale v. Hansard* (см. ниже), *Jay v. Topham*, *Aschby v. White*, *Howard v. Gosset* и нѣк. др.³⁾.

Такимъ образомъ, точная демаркаціонная линія между компетенціей палатъ и судовъ по вопросамъ, касающимся привилегій, по настоящее время не проведена, и едва ли это удастся сдѣлать иначе, какъ законодательнымъ путемъ. Но въ томъ, что палата по этимъ вопросамъ обладаетъ истинной карательной властью, не можетъ быть сомнѣнія. Дѣйствию этой власти при этомъ подпадаютъ не только постороннія лица, но и сами члены парламента. Право подвергать тюремному заключенію, какъ затрогивающее существенныя права личности, никогда не разсматривалось — по крайней мѣрѣ въ Англій — какъ простая дисциплинарная мѣра, и попытки провести различіе между примѣненіемъ этого наказанія къ третьимъ лицамъ и членамъ самого парламента⁴⁾ должны быть признаны несостоятельными. Оба вида карательной власти не только возникли одновременно, но всегда основывались на томъ же самомъ же юридическомъ титулѣ,

1) См. *May-Oppenheim*, op. cit., I, 374.

2) „These privileges exist, if at all, by prescription, in virtue of a long course of practice or user“, см. *Broom*, op. cit., 969.

3) См. *May*, *Traité*, I, 148—155.

4) *Hubrich* и *Weigel*, loc. cit.

причемъ сами взысканія неизмѣнно разсматривались, какъ уголовныя наказанія¹⁾.

IV.

Переходимъ къ разсмотрѣнiю объема привилегiи. Согласно общему правилу, освященному вѣковой практикой, надзоръ за порядкомъ въ зданiи парламента принадлежитъ самимъ палатамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, имъ подсудны всѣ дѣла, возникающiя въ отведенныхъ имъ помѣщенiяхъ, за исключенiемъ уголовныхъ преступленiй. Такъ изображаетъ компетенцiю парламента въ его „внутреннихъ“ дѣлахъ такой авторитетъ, какъ Энсонъ²⁾. Нельзя, однако, сказать, чтобы указанное правило отличалось полной опредѣленностью и проводило совершенно ясную грань между полномочiями парламента и общихъ судебныхъ инстанцiй.

Если въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца будетъ совершено убiйство, кража, или иное покушенiе на жизнь и имущество, то нѣтъ сомнѣнiя что дѣло окажется подсуднымъ общимъ судамъ. Проступки этого рода ни при какихъ условiяхъ не могутъ быть подведены подъ понятiе „its own internal concerns“, вѣдѣнiе коихъ предоставлено самимъ палатамъ. Но иначе обстоитъ дѣло при преступленiяхъ, совершаемыхъ словомъ. Оскорбленiе, клевета, мятежныя рѣчи и т. п. принадлежатъ къ числу такихъ поступковъ, которые, будучи совер-

1) Проводя параллель между англiйскимъ и французскимъ правомъ, Seidler, op. cit., 33, 34, совершенно вѣрно указываетъ на то, что „gegenüber den ausserhalb des Parlamentes stehenden Gewalten hat das Privileg der Volksvertreter hinsichtlich der in Ausübung ihres Berufes gemachten Aeusserungen in beiden Staaten den gleichen Inhalt; allein das englische Recht hat die Unverantwortlichkeit der Parlamentsmitglieder nie im Sinne absoluter Straflosigkeit verstanden, sondern die Unverantwortlichkeit nach aussen durch die strafrechtliche und nicht bloss disciplinäre Verantwortlichkeit nach innen, gegenüber dem Parlamente selbst ersetzt. Das französische Recht ist hierin nicht gefolgt und hat eine absolute Unverantwortlichkeit der Volksvertreter statuirt. Während also das englische Recht das Mass der Redefreiheit dem Parlamente zu bestimmen überlässt, hat das französische Recht auch diese Schranke der individuellen Freiheit der einzelnen Volksvertreter beseitigt, und anerkennt keine andere rechtliche Macht über der parlamentarischen Berufsausübung, als das Gewissen der einzelnen Deputaten“.

2) Назв. соч. 161. У него же см. дѣло Bradlaugh v. Gosset.

шени депутатомъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, безусловно покрыты безотвѣтственностью — въ Англии какъ и повсюду, гдѣ прочно установился конституціонный строй. Особенностью же англійскаго права является то, что эти дѣянія подсудны палатамъ, по принадлежности, даже въ тѣхъ случаяхъ когда они совершены членами парламента и не во время засѣданія, напр. во время перерыва или внѣ зала, гдѣ происходятъ дебаты. Такъ, въ 1877 г. Sullivan, членъ общинъ, былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ коллегъ, Dr. Kenealy въ боковомъ кулуарѣ Вестминстерскаго дворца. Палата принудила Kenealy взять оскорбительныя слова обратно и принести извиненія. Въ другомъ случаѣ, однако, имѣвшемъ мѣсто въ 1881 г., спикеръ отказался высказать свое мнѣніе¹⁾. Такимъ образомъ, въ палатѣ общинъ вопросъ не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. Что же касается верхней палаты, то согласно § 29 Stand. Ord., основаннаго на резолюціи 9 авг. 1641 г., если лордъ думаетъ, что онъ получилъ оскорбленіе или обиду отъ какого нибудь другого члена палаты во время засѣданія послѣдней или въ какомъ-нибудь комитетѣ, или въ одномъ изъ помѣщеній, принадлежащихъ палатѣ, что онъ имѣетъ обратиться за полученіемъ удовлетворенія къ лордамъ парламента; если онъ этого не сдѣлаетъ, станетъ вызывать или поддерживать ссоры или отклонить юрисдикцію палаты, то онъ подлежитъ строгому выговору со стороны послѣдней²⁾.

Что же касается постороннихъ лицъ, то они, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ, допускаются лишь въ особо отведенныя для нихъ помѣщенія. Надзоръ за ихъ поведеніемъ порученъ, согласно § 88 наказа общинъ, приставу, который за неподобающее поведеніе можетъ взять виновника подъ стражу, причемъ арестованное лицо подлежитъ освобожденію лишь по спеціальному распоряженію палаты. Не можетъ быть, далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ, что преступленіе,

1) Maу, op. cit., I, 374.

2) Иногда верхняя палата шла еще дальше и вмѣшивалась въ распри, возникавшія внѣ ея стѣнъ. Такъ, въ 1780 г., она посадила въ Тоуэръ графа Romfret'a, пославшаго вызовъ герцогу Grafton'у. Maу, op. cit., I, 360. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ лорды, такъ и общины считаютъ себя вправѣ предупреждать дуэли между своими членами и караютъ самый вызовъ, см. Reуnаert, op. cit., I, 26.

совершенное постороннимъ въ зданіи палаты, подсудно общимъ судебнымъ установленіямъ. Спорнымъ могъ бы явиться лишь вопросъ о словесныхъ проступкахъ (брань, угрозы, оскорбленія и т. п.); имѣются ли какіе-либо прецеденты, намъ неизвѣстно, но можно предположить, принимая во вниманіе общій характеръ дисциплинарно-карательной власти парламента, что подобныя дѣянія были бы подведены подъ понятіе *misconduct* и, какъ *contempt of court*, подлежали бы юрисдикціи палатъ.

Наконецъ, привилегія покрываетъ собой и все показанія, даваемые передъ палатами или комитетами вызванными по тѣмъ или другимъ дѣламъ свидѣтелями, экспертами, или сторонами. Все эти лица, относительно безответственности, поставлены въ одинаковое съ депутатами положеніе. Это твердо установлено цѣлымъ рядомъ прецедентовъ¹⁾ и въ настоящее время не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Такимъ образомъ иммунитетъ распространяется на все то, что имѣетъ отношеніе къ упражненію парламентомъ своихъ функций²⁾, независимо отъ того, кѣмъ произнесены рѣчи, высказаны сужденія и т. п. Привилегія имѣетъ поэтому не личный, а реальный характеръ³⁾: она создаетъ спеціальнй *forum* не для опредѣленныхъ лицъ, а для опредѣленныхъ дѣлъ. Въ этомъ заключается ея сущность и ея содержаніе.

Въ заключеніе этого разбора юридической структуры безответственности мы должны еще указать на одну особенность англійскаго права, находящуюся въ тѣсной связи съ свободой рѣчи, а именно на то, что подаваемая въ парламентъ петиціи также подпадаютъ подъ дѣйствіе привилегіи. Это правило было твердо установлено въ дѣлѣ *Lake*, причеиъ судъ призналъ, что каково бы ни было содержаніе петиціи, основаніемъ для вчиненія иска оно послужить не можетъ⁴⁾.

1) *Maу, op. cit.*, I, 133—138.

2) На этомъ основаніи переводъ выраженія ст. 9 Вилля о Правахъ „*proceedings*“ черезъ „производство“ представляется наиболее соответствующимъ духу англійскаго права. Онъ, во всякомъ случаѣ, точнѣе терминовъ „актовъ“ или „всего происходящаго“, см. выше, стр. 53 прим.

3) Это совершенно правильно отмѣчается *Seidler*'омъ, *op. cit.*, 7, 10; ему слѣдуютъ *Hubrich*, *op. cit.*, 25, фонъ-Резонъ, назв. соч., 4, 5 и Жижиленко назв. соч., 7.

4) *Maу, op. cit.* 137.

Глава восьмая.

Постороннія лица, отчеты о засѣданіяхъ и парламентскіе документы.

І.

Намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что англійскій парламентъ съ самаго начала твердо держался принципа непубличности своихъ засѣданій¹⁾. Въ принципѣ, и понынѣ всѣ совѣщанія палатъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Но только въ принципѣ, такъ какъ практика сравнительно давно уже отступила отъ этого ригоризма; согласно установившемуся за послѣднія полтора столѣтія *usus'u*, засѣданія англійскаго парламента не менѣе доступны для посторонней публики, чѣмъ, напр., засѣданія германскаго Рейхстага или нашей Государственной Думы. Благодаря этому создано любопытное положеніе, при которомъ *strictum jus* находится въ непрекращающейся коллизіи съ фактомъ.

Въ первые вѣка своего существованія палаты ревниво оберегаютъ свою привилегію и принимаютъ строгія репрессивныя мѣры по отношенію къ постороннимъ. Въ этомъ отношеніи особой безпощадностью отличаются парламенты эпохи царствованія Елизаветы²⁾. Въ теченіе XVI и XVII ст. безпрестанно прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ предупрежденія наплыва публики: вводится процедура переклички депутатовъ (*call of the house*), двери во время засѣданій держатся на затворѣ, запрещается членамъ палатъ

1) См. выше, стр. 7 и слѣд.; 15 и слѣд.;

2) См. Porritt, *The unreformed House of Commons*, Cambr. 1909, I, 576

приводить съ собою знакомыхъ и т. п.¹⁾. Но все это мало помогаетъ: число желающихъ послушать парламентскія пренія все увеличивается, и палатамъ приходится постепенно уступать. Особенный наплывъ посѣтителей замѣчается во второй половинѣ XVIII в., когда посѣщеніе засѣданій парламента становится признакомъ хорошаго тона²⁾. Присутствіе постороннихъ часто является даже стѣснительнымъ, мѣшая правильному ходу дѣлопроизводства³⁾, вслѣдствіе чего парламенту приходится прибѣгать къ различнаго рода ограничительнымъ мѣрамъ⁴⁾.

Въ настоящее время, въ палатѣ общинъ, вопросъ о постороннихъ посѣтителяхъ регулируется слѣдующими правилами.

Для лицъ, не состоящихъ членами парламента, отведена особая галлерей, вмѣстимостью въ 160 человекъ, причемъ, какъ мы выше видѣли, надзоръ за ними порученъ приставу палаты. Пребываніе въ другихъ помѣщеніяхъ, кромѣ галлерей, также запрещено, подъ страхомъ ареста⁵⁾. Для полученія доступа въ парламентъ требуется рекомендація одного изъ депутатовъ или дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ въ Лондонѣ, и при входѣ каждый посѣтитель обязанъ внести въ особую книгу свое имя и свой адресъ⁶⁾.

Что же касается палаты лордовъ, то постановленія, ка-

1) Redlich, op. cit. 287—289.

2) Moriz, посѣтившій Англію въ 1782 г. и присутствовавшій на одномъ засѣданіи парламента отмѣчаетъ, что среди зрителей на галлерей для постороннихъ были люди всякаго званія (Leute von allerlei Stande), а также и дамы, см. *Reisen eines Deutschen in England* въ *Deutsche Literaturdenkmale*, 3-e Folge № 6, Berl. 1903, S. 36. Въ XVII в. женщины не допускались вовсе, de Franqueville, op. cit., III, 82.

3) Уже въ 1701 общины жалуются на то, что committee of privileges постоянно переполненъ посторонней публикой, благодаря чему производство дѣлъ сильно затрудняется, Redlich, loc. cit. Въ 1771 г. одинъ изъ посѣтителей, при подсчетѣ голосовъ, былъ сосчитанъ вмѣстѣ съ членами нижней палаты, May-Oppenheim, op. cit., I, 339.

4) Подробности см. у Porritt'a и Redlich'a, loc. cit.

5) Stand. ord., § 88. Эти постановленія основаны на резолюціи 5 февраля 1845 г.

6) Это правило введено въ 1885 г. послѣ покушенія прландскихъ феніевъ.

сающіяся постороннихъ, отличаются большою сложностью. Согласно ст. VIII наказа, основанной на резолюціяхъ 18 апрѣля 1788 г. и 26 мая 1802 г., пока палата засѣдаетъ, никто не долженъ находиться въ предназначенныхъ ей помѣщеніяхъ, за исключеніемъ лордовъ и пэровъ, несостоящихъ членами палаты общинъ и наслѣдниками пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также лицъ, служащихъ въ палатѣ. Однако, и въ верхней палатѣ имѣется особая галлерія для постороннихъ, на 120 человекъ, причемъ каждый пэръ располагаетъ двумя входными билетами. Затѣмъ, на основаніи доклада особой комисіи, утвержденнаго 30 іюля 1849 г., спеціальныя помѣщенія отведены для пэрессъ, незамужнихъ дочерей пэровъ и пэрессъ по личному праву, а также для знатныхъ иностранокъ. Наконецъ, жены старшихъ сыновей пэровъ, замужнія дочери пэровъ и пэрессъ по личному праву допускаются на трибуны, отводимыя для старшихъ сыновей пэровъ на засѣданіяхъ, гдѣ присутствуетъ король¹⁾. Особыя мѣста отведены также для членовъ дипломатическаго корпуса²⁾.

Несмотря на все это, юридически всѣ засѣданія палатъ считаются закрытыми³⁾, и въ любой моментъ предсѣдатель собранія или любой членъ его можетъ потребовать удаленія всѣхъ постороннихъ. До 1875 г. достаточно было, чтобы депутатъ, вставъ съ своего мѣста, заявилъ: „я вижу здѣсь постороннихъ“. Подобный порядокъ вещей, однако, сопряженъ былъ съ большими неудобствами, такъ какъ удаленіе посторонней публики находилось въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія и каприза каждаго изъ членовъ палаты⁴⁾. Поэтому въ 1875 г. принята была резолюція

1) Для этихъ засѣданій установленъ особый церемоніаль, см. Stand ord., ст. I.

2) Резолюція 27 іюня 1850 г.

3) Вѣрнѣе сказать, англійскому праву вовсе чуждо понятіе открытаго засѣданія.

4) 1873 г. членъ общинъ Mitchell Henry воспользовался своимъ правомъ для удаленія репортеровъ газетъ и протеста этимъ путемъ противъ усвоенной ими привычки, не воспроизводить рѣчей ирландскихъ депутатовъ. Въ 1875 г. Biggar, имѣя въ виду добиться отмѣны права объ удаленіи постороннихъ и желая доказать его абсурдность, заявилъ, что онъ на каждомъ засѣданіи будетъ требовать его примѣненія.

(вошедшая въ составъ § 91 наказа), согласно которой, предварительно удаленія постороннихъ по требованію депутатовъ, производится баллотировка. Самое предложеніе объ удаленіи не можетъ вызвать ни преній, ни поправокъ.

Фактически, въ настоящее время, всѣ засѣданія публичны. Но принципъ, тѣмъ не менѣе, сохраняется — на всякій случай, въ видѣ предохранительнаго клапана: предполагается, что не исключена возможность наступленія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ сохраненіе тайны совѣщаній парламента явится государственной необходимостью.

II.

Въ тѣсной связи съ рассмотрѣннымъ находится вопросъ объ опубликованіи отчетовъ засѣданій парламента. Какъ мы выше видѣли, уже въ королевскомъ совѣтѣ разглашеніе тайны дебатовъ разсматривалось какъ преступленіе ¹⁾. Также смотрѣлъ на дѣло и парламентъ въ первые вѣка своего существованія. Онъ усиленно заботился о томъ, чтобы королю становились извѣстными лишь результаты его совѣщаній, но не отдѣльныя рѣчи представителей ²⁾. Борьба, завязавшаяся въ XVI и XVII ст. между нимъ и короной, побуждала его охранять тайну своихъ засѣданій съ еще бѣльшей тщательностью, чѣмъ раньше. По свидѣтельству Ноокера, разглашеніе происходившаго въ палатахъ составляло въ эту эпоху крупное нарушеніе служебнаго долга ³⁾, за которое могло быть наложено болѣе или менѣе серьезное наказаніе.

Результатомъ его поведенія было вотированіе дѣйствующей нынѣ резолюціи палаты. De Franqueville, op. cit., III, 81.

1) Стр. 5 и слѣд.

2) Стр. 7, 9, 15 и слѣд.

3) „Every person of the Parliament ought to keep secret and not to disclose the secrets and things done and spoken in the Parliament House to any manner of person, unless he be one of the same House, upon pain to be sequestered out of the House, or otherwise punished as by the order of the House shall be appointed“. Account of the method of proceeding in the parliament, въ изданіи Mountmorres, The history of the principal transactions of the Irish Parliament from 1634 to 1666, Lond. 1842, I, 143 (цит. у Poritt'a, op. cit., 584).

Въ царствованіе Елизаветы, однако, нѣкоторые депутаты¹⁾ начинаютъ вести дневники, совершенно, впрочемъ частнаго характера, въ которые ими заносятся резюме происходившихъ преній. вмѣстѣ съ тѣмъ, клэрки усваиваютъ привычку отмѣчать въ журналахъ не только резолюціи и приказы палатъ, но также и главнѣйшіе дебаты по нимъ. Въ 1626 г., однако, общины признаютъ этотъ способъ веденія дѣла незаконнымъ и выносятъ соотвѣтственное постановленіе²⁾. Вскорѣ имъ приходится вступить въ борьбу съ собственными членами, нарушающими тайну совѣщаній и публикующими свои рѣчи. Такъ, въ 1641 г., парламентъ постановляетъ предать сожженію изданную лордомъ Digby брошюру, содержащую его рѣчь по поводу attainder'a Страффорда³⁾. Одновременно съ этимъ устанавливается правило, согласно которому напечатаніе депутатомъ рѣчи допустимо только съ разрѣшенія спикера. Въ 1663 г. это правило вновь подтверждается. Несмотря на это, однако, парламентскіе дебаты все чаще и чаще дѣлаются достояніемъ гласности, и палаты начинаютъ сами принимать мѣры къ тому, чтобы въ печать попадали отчеты объ ихъ засѣданіяхъ въ той именно формѣ, которая представляется имъ желательной.

Со второй половины XVII в. начинается упорная борьба между печатью съ одной стороны и парламентомъ — съ другой⁴⁾. Къ концу XVIII в. дѣло гласности можетъ считаться окончательно выиграннымъ: отчеты о засѣданіяхъ печатаются полностью, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія палатъ. Съ 1803 г. начинаетъ выходить въ свѣтъ извѣстное изданіе Hansard, Parliamentary Debates, сперва исключительно на частныя средства, а съ 1877 г. при поддержкѣ со стороны казны. Въ настоящее время въ залѣ

1) Напр., d'Ewes, авторъ извѣстнаго сборника „Journals of all the parliaments during the reign of Queen Elizabeth“, появившагося въ 1682 г.

2) Redlich, op. cit., 279.

3) Parl. Hist., II, 883.

4) Намъ нѣтъ возможности остановиться здѣсь на отдѣльныхъ фазисахъ этой борьбы. Интересующіеся ею найдутъ подробныя указанія въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Porritt'a, chap. XXX, May-Oppenheim'a, 343 ff. и Redlich'a, 289 ff.

засѣданій отведены особыя мѣста для репортеровъ, и представляющіеся въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ отчеты отличаются большой полнотой и точностью¹⁾. Съ внѣшней стороны, такимъ образомъ, постановка дѣла ничѣмъ не отличается отъ принятой въ другихъ странахъ. Но съ юридической точки зрѣнія отношенія между печатью и парламентомъ въ Англіи совершенно иныя, чѣмъ на континентѣ.

На самомъ дѣлѣ, старое правило о томъ, что опубликованіе дебатовъ не можетъ имѣть мѣста безъ разрѣшенія палаты, не отмѣнено и по сіе время. Формально, информационная дѣятельность прессы только терпитъ парламентомъ, который вправѣ въ каждый данный моментъ привлечь издателей къ отвѣтственности за breach of privilege. Благодаря этому, вопросъ объ иммунитетѣ, примѣнительно къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ, получаетъ особую окраску. На самомъ дѣлѣ, по смыслу ст. 9 Билля о Правахъ, привилегія безотвѣтственности покрываетъ собой только сказанное съ трибуны. Поэтому депутатъ, напечатавшій свою рѣчь, подлежитъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, буде въ этой рѣчи окажутся признаки преступнаго дѣянія²⁾. Это явствуетъ изъ цѣлаго ряда прецедентовъ. Такъ, въ 1795 г. было возбуждено преслѣдованіе противъ лорда Эбингдона, обвинившаго въ одной изъ своихъ рѣчей своего атторнея въ неблаговидныхъ поступкахъ и издавшаго затѣмъ эту рѣчь. Напрасно обвиняемый доказывалъ, что, согласно *lex et consuetudo parliamenti*, онъ вправѣ напечатать все то, что имѣлъ право сказать: судъ призналъ, что хотя члены парламента и могутъ печатать свои рѣчи, однако эти послѣднія никогда не должны служить средствомъ для диффамаци; въ противномъ случаѣ онѣ

1) Технические детали см. у Redlich'a, *op. cit.*, 284.

2) Энсонъ, назв. соч. I, 152: „Еще менѣе имѣетъ право отдѣльный депутатъ, прикрываясь привилегіей, опубликовать рѣчь, сказанную имъ въ палатѣ. Въ ея стѣнахъ онъ можетъ говорить все, что ему угодно, пользуясь общей привилегіей палаты; но если онъ желаетъ распространять то, что онъ въ ней сказалъ, то онъ дѣлаетъ это на свой рискъ, такъ какъ при малѣйшей клеветѣ онъ можетъ быть обвиненъ въ распространеніи пасквиля“. Ср. Hugh Fraser, *Principles and practice of the law of libel and slander*, Lond. 1893, p. 90; Fuld, *loc. cit.*, 516.

становятся „libel“ (пасквилемъ). На этомъ основаніи судъ приговорилъ Эбингдона къ штрафу въ 100 фунтовъ.

Въ 1813 г. возникъ аналогичный случай. Рѣчь члена общины Стеевеу оказалась невѣрно переданной въ нѣкоторыхъ газетахъ; Стеевеу тогда послалъ редакторамъ правильный ея текстъ. Въ виду содержащихся въ ней оскорбительныхъ для одного лица выраженій, было возбуждено уголовное преслѣдованіе, причемъ судъ призналъ Стеевеу виновнымъ и приговорилъ его къ денежному штрафу¹⁾.

Рѣчь депутата, однако, можетъ попасть въ печать и помимо его воли и желанія, въ качествѣ составной части публикуемыхъ періодической печатью отчетовъ засѣданій. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли ораторы и въ этомъ случаѣ быть привлекаемы къ отвѣтственности, или же на нихъ распространяется привилегія? Практическая важность вопроса ясна само собой: рѣдко кто изъ членовъ самъ издаетъ свои рѣчи, между тѣмъ какъ газетные отчеты выходятъ каждый день, и въ случаѣ, если они не были бы покрыты иммунитетомъ, ораторы или издатели отчетовъ находились бы постоянно подъ Дамокловымъ мечемъ уголовного преслѣдованія.

Съ точки зрѣнія *jus strictum* едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что привилегія свободы слова этихъ отчетовъ не покрываетъ, такъ какъ опубликованіе дебатовъ, само по себѣ, и по сіе время считается недозволеннымъ²⁾. Новѣйшая практика, однако, допускаетъ весьма существенное отступленіе отъ этого принципа. Въ 1868 г. возникло извѣстное дѣло *Wason v. Walter*, по которому вынесено было рѣшеніе, получившее значеніе руководящаго прецедента. Обстоятельства этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. *Wason* подалъ въ палату лордовъ жалобу на нѣкоторыя дѣйствія *chief-baron Kelly*. По поводу этой жалобы произошли въ палатѣ дебаты, во время которыхъ поведеніе *Wason* подверглось рѣзкой критикѣ. Отчетъ о засѣданіи попалъ затѣмъ въ „*Times*“, причемъ газета снабдила его критическими замѣчаніями. *Wason* тогда вчинилъ искъ о

1) *May, Traité, etc., I, 106.*

2) *Fuld, loc. cit.; Энсонъ, loc. cit.; Joh. Müller, Die Immunität der parlamentarischen Berichterstattung, Berl. 1906, S. 4.*

пасквилѣ. Во время судебного разбирательства chief-justice Cockburn разъяснил присяжнымъ, 1⁰, что если отчетъ добросовѣстенъ („fair“), то онъ покрытъ иммунитетомъ и 2⁰, что такъ какъ предметъ дебатовъ представлялъ общественный интересъ, то добросовѣстная критика или замѣчанія, ихъ касающіяся, также покрыты безотвѣтственностью. Судъ съ этимъ согласился и въ искѣ *Wason* у отказалъ¹⁾.

На основаніи этого рѣшенія установилось въ настоящее время правило, согласно которому отчеты о засѣданіяхъ, составленныя „fair and accurate“ не влекутъ за собой отвѣтственности ни для ораторовъ, ни для издателей. Но если заинтересованному лицу — или лицамъ — удастся доказать, что отчетъ составленъ „maliciously“, то издавшій его, отвѣчаетъ по общимъ правиламъ о пасквиляхъ²⁾.

Что же касается понятій „fair“ и „accurate“, то, въ общемъ, они соотвѣтствуютъ *bona fides*, добросовѣстности. Согласно установившейся практикѣ, отчетъ о засѣданіи суда или вообще любой корпораціи считается fair, когда онъ правдиво передаетъ сущность произошедшихъ дебатовъ³⁾. При этомъ не требуется, чтобы онъ буквально воспроизводилъ произнесенныя рѣчи⁴⁾. Цѣлью отчета должно быть освѣдомленіе публики о происходившемъ, но отнюдь не нанесеніе обиды или оскорбленія кому бы то ни было⁵⁾. Отчеты, неудовлетворяющіе этимъ условіямъ считаются „malicious“ и привилегіей безотвѣтственности не покрываются.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ настоящее время права⁶⁾, отчетъ, дословно (стенографи-

1) Fisher and Strahan, The law of the press, Lond. 1901, p. 107.

2) Fraser, op. cit., 108, выставляетъ слѣдующее общее правило: „A report of proceedings in either House of Parliament is privileged, provided that it is fair and accurate; but such privilege will be rebutted, if plaintiff prove that defendant published such report maliciously“. Fisher and Strahan, op. cit., 106: „Fair and accurate reports of proceedings in Parliament are, however, protected, if published without malice“.

3) Fisher and Strahan, op. cit., 118, даютъ слѣдующую формулу: „What is necessary to secure privilege appears to be: an account of what took place sufficiently full and accurate to enable a reader to form a substantially correct opinion of the whole proceedings“.

4) Fraser, op. cit., 105.

5) Kelly, The law of newspaper libel, Lond. 1889, p. 162.

6) Вопросъ о томъ, что представляетъ изъ себя это право — обы-

чески) воспроизводящій картину засѣданія при всѣхъ условіяхъ является иммунизированнымъ. Сомнѣнія могутъ явиться лишь тогда, когда отчетъ представляетъ изъ себя либо пересказъ происходившаго въ палатѣ, либо резюме преній, либо частичную передачу дебатовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшающимъ является субъективный моментъ: имѣлось ли въ виду добросовѣстное (fair) или недобросовѣстное (тенденціозное, malicious) изложеніе преній, преслѣдовались ли исключительно інформаціонныя цѣли или какія-нибудь инныя. Такимъ образомъ, новѣйшая эволюція привела англійское право къ состоянію, весьма близкому къ порядкамъ, господствующимъ на континентѣ. Здѣсь, точно также, иммунитетъ покрываетъ отчеты о засѣданіяхъ, лишь тогда, когда они составлены *bona fide*; и если это условіе является необходимымъ, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно для устраненія отвѣтственности какъ издателей, такъ и самихъ депутатовъ. Едва-ли есть поэтому основаніе противопоставлять англійскую точку зрѣнія континентальной и, въ особенности, превозносить первую, сравнительно со второй, какъ это дѣлаетъ, напр. Редлихъ¹⁾.

Нельзя забывать, что въ Англии дѣло, въ концѣ концовъ, сводится къ компромиссу между двумя непримиримыми принципами: тайной и гласностью парламентскихъ засѣданій. Иммунитетъ отчетовъ, поэтому, существуетъ постольку, поскольку согласны признавать суды. Но въ завтрашнемъ днѣ нельзя быть увѣреннымъ, и кто можетъ поручиться, что, со временемъ, отмѣченная нами выше эво-

чай, судебную практику или что-нибудь другое — можетъ быть оставленъ безъ вниманія, какъ представляющій исключительно теоретическій интересъ. Съ точки зрѣнія выработавшихся на континентѣ — главнѣйше въ Германіи — категорій, дѣйствительно, возможенъ споръ, ср. Joh. Müller, *loc. cit.*, англійскіе же юристы едва ли сомнѣваются въ томъ, что они въ данномъ случаѣ, имѣютъ дѣло не съ простымъ обыновеніемъ, *usus'омъ*, а съ положительнымъ правомъ.

1) „Jedenfalls steht die englische Auffassung von dem Rechte auf Veröffentlichung parlamentarischer Reden im schroffsten Gegensatze zu der Rechtsanschauung und Praxis, die wir in manchen continentalen Parlamenten jüngst haben entstehen sehen: einer Praxis, welche die Redefreiheit der Abgeordneten dazu benützt, um Schmähungen gegen dritte Personen und sonstige durch Worte begangene Rechtsverletzungen gegenüber dem gemeinen Rechte immun zu machen“. *Op. cit.*, 292.

люція не приметъ самаго неожиданнаго направленія, въ зависимости отъ случайной политической конъюнктуры?

Съ другой стороны, практикуемый нынѣ порядокъ сопряженъ съ весьма существенными неудобствами. Прежде всего, публикуемые газетами отчеты не обладаютъ характеромъ аутентичности, благодаря чему точно возстановить сказанное съ трибуны часто представляется затруднительнымъ. Официально, палаты объ отчетахъ не освѣдомлены, и ссылки на нихъ не допускаются¹⁾. Едва ли подобное положеніе вещей представляетъ особья преимущества.

Затѣмъ, газетные отчеты никогда не бываютъ полны, причемъ, иногда случайно, иногда намѣренно и систематически, пропускаются рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ или представителей опредѣленныхъ группъ и фракцій²⁾. Оставаясь въ законныхъ предѣлахъ и отнюдь не дѣйствуя „maliciously“, газеты часто въ состояніи придать отчетамъ желательную для нихъ окраску.

Въ виду этихъ неудобствъ, въ парламентѣ за послѣдніе годы неоднократно поднимался вопросъ объ официальномъ издательствѣ „proceedings“. Но это означало бы формальный отказъ отъ принципа тайны совѣщаній; пойти же на подобную ломку традиціонныхъ устоевъ палаты пока не считаютъ себя вправе.

III.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только отчеты, обязанные своимъ происхожденіемъ частной инициативѣ. Самими палатами, однако, отъ времени до времени, издаются документы, обнимаемые общимъ терминомъ „parliamentary papers“ и содержащіе въ себѣ самый разнородный матеріалъ. Здѣсь встрѣчаются доклады органовъ администраціи, къ которымъ парламентъ обращался за справками, отчеты отдѣльныхъ учреждений, результаты анкетъ, протоколы засѣданій различныхъ комиссій и т. п.³⁾. Публикованіе ихъ началось въ XVII в. (съ 1641 г.), но до первой избирательной

1) См. инцидентъ, имѣвшій мѣсто 27 іюня 1871 г., у de Franqueville, op. cit., III, 285.

2) Примѣры см. у de Franqueville, loc. cit., 284.

3) Мау, op. cit., II, 171—180; Redlich, op. cit., 292—305.

реформы документы эти оставались недоступными для публики. Послѣ 1832 г. парламентъ начинаетъ принимать мѣры къ тому, чтобы они получали наибольшее распространеніе, въ цѣляхъ ознакомленія избирателей съ дѣятельностью палатъ. Вскорѣ, однако, возникъ вопросъ о томъ, насколько привилегія неприкосновенности распространяется на „parliamentary papers“. Лондонскій книгопродавецъ Stockdale, почувствовавъ себя задѣтымъ однимъ мѣстомъ изъ отчета тюремныхъ инспекторовъ, отпечатаннаго по распоряженію общинъ въ типографіи бр. Hansard (издателей „Parliamentary Debates“), возбудилъ противъ послѣднихъ обвиненіе въ клеветѣ. Hansard'ы предъявили *exceptio veritatis* и были оправданы присяжными, но *chief-justice Denman* высказался во время процесса въ томъ смыслѣ, что данное палатой бр. Hansard разрѣшеніе издавать всѣ парламентскіе отчеты не могло, само по себѣ, послужить для нихъ оправданіемъ. Это мѣсто изъ рѣшенія *Denman*'а сильно задѣло коммонеровъ, которые вынесли резолюцію, категорически постановившую что опубликованіе отчетовъ, голосованій и дѣлопроизводства, когда этого требуетъ публичный интересъ или когда это представляется цѣлесообразнымъ, составляетъ право парламента, въ качествѣ представителя народа.

Это не помѣшало, однако, Стокдэлю, перенести дѣло въ Судъ Королевской Скамьи, который единогласно приговорилъ фирму Hansard къ уплатѣ штрафа въ 600 фунтовъ.

Въ 1839 г. Стокдэль опять подалъ жалобу на тѣхъ же лицъ. На судъ Hansard'ы не явились и были заочно приговорены къ денежному штрафу. Тогда палата рѣшила прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ и распорядилась взятіемъ подъ стражу какъ Стокдэля, такъ и шерифовъ, взыскавшихъ съ отвѣтчиковъ присужденныя судомъ деньги. Дѣло, такимъ образомъ, превратилось въ острый конфликтъ между палатой общинъ и судебной властью, конфликтъ, который до крайности взволновалъ общественное мнѣніе и могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если бы ему не былъ положенъ конецъ особымъ законодательнымъ актомъ¹⁾, признавшимъ что всякаго рода уголовныя или

1) О дѣлѣ Н. см. *May-Oppenheim*, *op. cit.*, I, 375—379; *Broom*, *op. cit.*, 875—960.

гражданскія дѣла противъ лицъ, издавшихъ, по распоряженію той или другой палаты, документы, будутъ немедленно приостановлены по представленіи удостовѣренія о томъ, что документы отпечатаны по распоряженію парламента (3 & 4 Vict., с. 9). Въ настоящее время, такимъ образомъ, вопросъ не возбуждаетъ уже сомнѣній и разрѣшается въ томъ же самомъ смыслѣ, что и на континентѣ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава первая. Начало англійскаго парламента	3—14
I. Королевскій совѣтъ	3
II. Начало парламента	7
III. Дѣла Henry Keighley, Peter de la Mare и Thomas Haxey	10
Глава вторая. Ланкастерская и Йоркская династіи	15—19
Глава третья. Правленіе Тюдоровъ. Генрихъ VIII	20—25
I. Положеніе парламента при Генрихѣ VIII	20
II. Дѣло Richard'a Strode	23
Глава четвертая. Правленіе Тюдоровъ. Елизавета	26—35
I. Столкновенія между парламентомъ и короной при Елизаветѣ	26
II. Перемѣна въ положеніи народнаго представи- тельства	32
Глава пятая. Стюарты	36—51
I. Яковъ I и его борьба съ парламентомъ	36
II. Карль I. Дѣло Эліота	40
III. Гражданская война, республика и протекторатъ	46
IV. Реставрація. Карль II.	49
Глава шестая. Новѣйшее время	52—59
I. Билль о Правахъ и послѣдствія революціи	52
II. Свобода слова въ XVIII и XIX ст.	56
Глава седьмая. Юридическая природа привилегіи	60—76
I. Историческая роль и значеніе свободы слова	60
II. Юридическая конструкція привилегіи	64
III. Дисциплинарная и карательная власть парла- мента	66
IV. Содержаніе и объемъ привилегіи	74

Глава восьмая. Постороннія лица, отчеты о засѣданіяхъ и парламентскіе документы. . .	77—88
I. Постороннія лица	77
II. Опубликованіе отчетовъ	80
III. Parliamenty Papers	86

